

Развод с незнакомцем

Алина
Кускова

комедийный любовный роман

Алина Кускова

Развод с незнакомцем

«Автор»

2007

Кускова А.

Развод с незнакомцем / А. Кускова — «Автор», 2007

У Ларисы было все и даже больше – красота и молодость, жилплощадь и хорошая работа, жених и... муж. Да, по странному стечению обстоятельств несколько дней назад девушка заключила брак с каким-то неизвестным, к тому же в дупель пьяным мужчиной. Зачем? Да по глупости. И теперь вот нужно найти его и развестись – на этом настаивают и родители, и жених Ромочка, и здравый смысл. А может, подождать? Ведь супруг наконец отыскался – и в трезвом виде оказался хорош до такой степени, что Рома в сравнении с ним выглядит жалким ботаником и маменькиным сынком. Так зачем же менять одного на другого? Лариса решает остаться в браке. Только вот теперь муженек настаивает на разводе...

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алина КУСКОВА

РАЗВОД С НЕЗНАКОМЦЕМ

Вместо предисловия

Василий жадно доедал последний кусок вареной колбасы, запивая ее водкой из одноразового стаканчика. Дрожь в коленках прошла, чувство обеспокоенности ушло вслед за дрожью, по организму расплзлась сладкая истома. Непонятно, откуда после третьей дозы возникли бравада и хорошее настроение, совершенно не зависящее от того, придет ли невеста или черт с ней. Василий поднялся, дожевывая на ходу, и нетвердой походкой отправился назад, в торжественно убранную для бракосочетаний комнату, где его ожидала неприветливая работница загса.

У входа он лицом к лицу столкнулся с девушкой, которая ему мило улыбалась. Он вспомнил, что где-то ее уже видел. Он попытался напрячь зрение, но глаза предательски заволокла пелена, и образ девушки расплылся.

– Лариса, – ласково произнес нежный голос.

После чего Василий все вспомнил. В том числе и свою обиду на то, что она не явилась вовремя. Он взял ее под локоть и повел в комнату.

– Начинайте, – скомандовал он, открывая дверь.

И все началось.

Намереваясь прочитать целую лекцию жениху и невесте о нерушимости семьи, нарядная работница загса была остановлена недовольным окриком жениха: «Короче!» Из вредности она сократила торжественный ритуал до минимума: потребовала от Ларисы паспорт, поставила туда печать, взяла документ Василия, отштамповала и его. Внесла их данные в книгу регистраций. Они расписались.

После чего дама сама открыла бутылку шампанского, разлила его по бокалам. Они чокнулись за семейное счастье и выпили. Комната в глазах Василия поплыла, как каюта корабля. Лица работницы загса, его невесты исказились до неузнаваемости. Дама заставила его поцеловать молодую жену, Василий поднял на Ларису глаза...

– Это не она! – заорал он и упал как подкошенный.

– Допился, – констатировала работница загса и собрала документы в портфель. – Ну, вы тут сами разбирайтесь.

И ушла, оставив Ларису с распростертым на полу женихом. Та поняла, что шутка зашла слишком далеко, схватила свой паспорт и убежала.

– Сейчас они поцелуются!

– Рано еще, он не сказал главных слов!

– Какие слова, когда рядом такая девушка?!

– Может, он еще передумает?

– К чему ты клонишь?!

В замочной скважине попеременно появлялись разные глаза: хитроватые карие и вредные зеленые. Одни принадлежали матери молодого худощавого человека, обладательница других являлась его будущей тещей. А с обратной стороны двери в небольшой комнате на мягком диване со скрипучими пружинами сидели двое: рыжеволосая красавица (на вкус и цвет товарищей нет) и вышеупомянутый юноша. Они нежно держались за руки и смотрели друг на друга.

– Лариса, – торжественно начал Роман, впечатываясь глубже в диван от нервного возбуждения, – я долго думал...

– Ск-к-к-р-р-р-ип... – отвечала ему пружина.

– Надо же, ты думал! – восторгалась его подруга.

– Да. И решил, что мы созданы...

Ск-к-к-р-р-р-ип.

– Как ты хорошо придумал, мы – и вдруг созданы!

– Да. Я думал, что мы созданы друг для друга, – выпалил Роман, закрыв глаза.

За дверью послышались возня и сдавленный писк, там шла борьба за место под солнцем – за замочную скважину.

– Мой мальчик думал!

– Сейчас они поцелуются!

Роман приоткрыл один глаз и уставил немигающий взгляд на Ларису. Он ждал ответа.

– Отлично, – растерянно произнесла та, стараясь освободиться от нахлынувшей на нее волны романтики и прочей дури, – и что дальше?

– Как что? – Роман обиженно поджал губы и открыл второй глаз. – Я хочу на тебе жениться!

Хозяйка карих глаз за дверью громко всхлипнула.

– Но я – не я. – Лариса свободной рукой принялась выписывать круги над Романом.

– Ты считаешь, что мы не созданы друг для друга?!

– Ну что ты, – рука заработала еще быстрее, – просто, ну, как тебе объяснить? Я считаю так же, как и ты. Но...

– Тогда никаких «но», – Роман сильнее сжал ее кисть и придвинулся еще ближе.

Ск-к-к-р-р-р-ип!

– Сейчас поцелуются!

Лариса поправила рыжие волосы, чмокнула Романа в щеку и отстранилась.

– Я не понял! И это все после того, что у нас было?!

Его возмущенный ропот эхом раздался у порога.

– Понимаешь, милый, – Лариса сделала паузу, пытаясь найти подходящие слова в своем лексиконе. – Ты мне нравишься, – она схватила обе его руки и властно опустила их на диван. – Но дело в том, что я не свободна.

– Тебя замели? Так это ты ограбила пивной ларек на углу у сквера? Я тебя спрячу от правосудия! Не бойся.

За дверью послышался тяжелый вздох и глухой звук от падения грузного тела. Зеленого глаза в замочной скважине больше не было.

– Ты не понял. Я не свободна не в этом смысле. Понимаешь, просто я немного замужем.

Ск-к-к-р-р-р-ип!!

– Совсем немного, всего несколько дней.

– А я? Как же я? – Роман встал с дивана и стал мерить длинными ногами комнату.

– Все неожиданно получилось, это была шутка.

– И кто этот твой клоун? – скривился несостоявшийся жених.

– Не знаю.

– Как? Вот это да! Она не знает. Люди добрые! Она не знает.

Добрые люди ввалились в комнату.

– Как ты могла скрыть факт бракосочетания от родной матери? – стонала Ольга Петровна, у которой зеленые глаза позеленели еще больше.

– Профурсетка! – кричала Ирина Викторовна. – Приди в материнские объятия, мой мальчик!

– Кто он, сознавайся, – стонал «мальчик», обхватив вместо матери огромный кактус, до этого момента мирно растущий на подоконнике.

– Не знаю, – оправдывалась Лариса, – мы поженились, и он скрылся.

Хотя на самом деле, думала она, было наоборот. Но признаваться в том, что это именно она сбежала после того, как вышла замуж за незнакомца, было нельзя. Наверняка случилось бы землетрясение, потоп и наводнение в отдельно взятой двухкомнатной хрущевке.

– Ха! Ха! – радовался Роман с кактусом. – Цирк уехал, и клоуны разбежались.

– Профурсетка!

Перед Ларисиными глазами промелькнули кадры знаменитой троицы из «Кавказской пленницы». Так же на нее шли ее соседка – мать бывшего одноклассника Романа Стрелкина, ее родная мама и сам Стрелкин в обнимку с кактусом, осиротившим глиняный горшок. Они держались за руки, надвигались на нее неумолимо, как паровоз, и отрезали Ларисе пути к отступлению.

– Я разведусь! – закричала она, вжавшись в диван.

Ск-к-к-р-р-р-ип!!!

– Найду его и разведусь, честное слово.

Троица остановилась.

Глава 1

Выиграл в Туле тульский самовар

Получить заветный штампик в паспорт мечтает каждая девушка. Даже та, которая выдает себя яркой сторонницей «гражданских» браков. Возможно, какой-нибудь француженке все равно, есть ли у нее законный муж или рядом спит просто сожитель. Русская девушка приучена с малолетства быть чьей-то.

– Скажи, кого больше любишь: маму или папу? – спрашивают у карапуза, едва оторвавшегося от горшка.

И, получив ответ, восторгаются:

– Мамина дочка! – или: – Папин сын!

У наших женщин и фамилии привязаны к мужикам. Петрова чья? Петра. Сидорова чья? Сидора. И так бери каждую. Каждая чья-то. Лариса, к примеру, была Кочеткова. Чья? Кочета, петуха по-нашему. А стала Степанцова. Чья? Неизвестно. «Зарегистрирован брак с гражданином Степанцовым Василием Васильевичем». Сухая строчка на четырнадцатой странице паспорта, а столько эмоций!

Лариса встала перед зеркалом и покрутила раскрытым на этой странице документом. Смотрите, люди добрые, я замужняя дама. Вспомнив о «добрых людях», она пошла на кухню, налила в чашку кофе и села любоваться записью о браке. Нужно идти в загс и подать заявление на развод. И снова стать Кочетковой для того, чтобы потом оказаться Стрелкиной! Чья? Стрелка Стрелкина. Степанцова даже звучит лучше. Рядом влепят еще один штамп, но уже не тот, о котором мечтает каждая девушка. А вдруг Стрелкин передумает на ней жениться? Лучше синица в руке, чем журавль в небе. Мама милая, какой журавль? Где теперь искать ту синицу, которой она, Лариса догадывалась, сильно подгадила.

Все получилось так стремительно, что она даже не успела сообразить, насколько глупо пошутила. Носились они с ее подружкой, как две загнанные лошади, в поисках жениха, готового сразу жениться. У подружки срывалась заграничная командировка, на время которой она должна была быть обязательно замужней дамой. Лариса втянулась в эту гонку, азарт сделал свое дело. Ей поначалу даже очень нравилось, что она первая выскочила замуж. Все, кто знал, ей завидовали. И подруга тоже. Правда, потом она нашла себе мужа. Но Лариса это сделала быстрее. И теперь ее заставляют расплачиваться за это скоропалительное решение.

Почему Дума обсуждает вопрос о многоженстве? Следует поставить его ребром, Адамовым, и разрешить женам иметь по несколько мужей. Сейчас у нее уже были бы этот неизвестный Степанцов и еще Стрелкин. И фамилию она бы оставила двойную: Степанцова-Стрелкина. А почему, собственно, Стрелкина? Лучше Степанцова-Задунайская. Красиво звучит. Лариса допила кофе, закрыла паспорт, положила его в сумочку. Нужно идти в загс.

– И вас просто так расписали? – не верила своим ушам смуглолицая девица пока еще не запредельного для замужества возраста. – Не спросили, согласны ли вы? И согласен ли он?

– А чего спрашивать, – Лариса пятый раз пересказывала ей свою «историю любви», – раз люди решили зарегистрировать свои отношения, значит, они согласны.

– Ну, всякое может быть, – не соглашалась девица, – вдруг он взял да передумал.

– Ага, – усмехнулась Лариса, – а за дверями толпа родственников с аргументами в виде кулаков. Пусть только попробует.

– Да, действительно, – закивала девица, – такого у нас еще не было, чтобы передумывали.

– Вот видите, как вас, кстати, по имени-отчеству?

– Настасья, – девица жеманно пожала плечами.

– А я – Лариса. У нас с тобой, Настасья, – ты не против, что я перешла на «ты», – та в ответ мотнула головой, – большое дело. Нам нужно вычислить этого субъекта и припереть его к стенке с одним вопросом: «Зачем он это сделал?»

– Я думаю, – смуглянка наклонилась через свой заваленный бумагами стол, – этот вопрос нужно задать вам, тебе то есть.

– Согласна, что в какой-то мере я способствовала заключению этого брака. Но где были его глаза? Он же должен был видеть, на ком женится?!

– Должен, – согласилась Настасья и сразу выдвинула контраргумент: – А вдруг он слепой?

Мысль о том, что она вышла замуж за инвалида, обожгла сознание Ларисы. И если раньше она сомневалась в том, стоит ли ей разводиться, сейчас она страстно этого захотела.

– Это меняет дело? – прошептала она.

– Наше? – поинтересовалась смуглянка. – Затягивает на неопределенный срок. Инвалиду легче каждый раз перед тем, как являться в суд, укладываться в больницу и получать отсрочку.

– Нет, он был не слепой, – вспомнила Лариса, – когда он повернулся ко мне, чтобы поцеловать первым брачным поцелуем, закричал будто ошпаренный: «Это не она!»

– Точно?

– Точно.

– Значит, у него хороший нюх.

– Почему? – Лариса заерзала на стуле, приставленном к заваленному бумагами столу.

– Учужал по аромату духов, что ты не она.

– Потом он упал, – вспоминала подробности Лариса.

– Правильно, на одной деревяшке тяжело стоять. Точно, инвалид. Не по глазам, так по ногам. Быстро получить развод не получится.

– А если обойти бюрократические препоны? – Лариса длинным пальцем пододвинула ближе к смуглянке коробку дорогих шоколадных конфет. – Моя, это, как ее там, признательность будет беспределом! Тьфу, беспредельной. В смысле, еще что-то будет.

– Нельзя мне, – Настасья указала на лоб, покрытый мелкой сыпью, – как съем шоколадную конфету, сразу прыщами покрываюсь и чешусь.

– Я тоже, – махнула рукой Лариса, – не ем. Подруга прислала из-за границы. Куда теперь их девать?

– Ладно, – пожалела ее Настасья, запихивая коробку в стол, – поменяю на шампанское. У нас все меняются. Но обходить не будем. Обойдемся без этого. Ведь вы с ним даже не поговорили!

– А как я это сделаю? У меня от него только и осталось что его фамилия. Мне теперь на работе документы менять придется.

– Паспорт, кстати, тоже. Но ты не расстраивайся. Мы же не просто загс, а целое бюро регистрации актов. У нас все записано. Сейчас мы найдем твоего инвалида Василия Васильевича Степанцова.

Она встала, выудила из шкафа какой-то журнал и водрузила его на стол поверх бумаг. Немного полистала.

– Ну что там? В этой амбарной книге? – не терпелось Ларисе.

– Бери ручку и записывай адрес, – усмехнулась Настасья, – и место работы.

Лариса аккуратно внесла данные о своем муже на кусочек листа, царственным жестом пожалованный ей работницей загса, и поблагодарила судьбу за подарок, каким оказалась Настасья. Взяв с нее обещание, что она никому не скажет о том, что произошло и дальше произойдет с ней и Василием, Лариса собралась уходить.

– А как я узнаю, что дальше произойдет, чтобы никому не рассказывать? – обиделась Настасья.

Лариса вздохнула. У нее была подруга, но она уехала. Больше, кроме Стрелкина, никого нет. Пусть будет приятельница.

– Я тебе обязательно позвоню! – торжественно пообещала она и записала на обрывке листа номер Настасьино телефона.

– Только звони вечером, – посоветовала та, – днем я на работе. А вечером все равно делать нечего. Буду слушать твой рассказ вместо мексиканского сериала!

– Ты думаешь, он затянется на несколько лет?!

– Ну, если твой инвалид не успел еще лечь в больницу, надежда есть.

Надежда угадала после ожидания Ларисы у Ледового дворца, где, по сведениям загса, работал Степанцов. В числе спешащих на работу его не было. В числе возвращающихся с нее тоже. Хорошо, что летний день уже клонился к закату и кругом, среди цветущих клумб, было полно скамеек. С утра устроившись на одной из них, Лариса достала потрепанный роман, который был любимым произведением ее мамы, и принялась читать эту гадость. «Рустам обнял нежное тело Фатимы, затрепетавшее в его руках, как подбитая лань, и сказал: „О, моя госпожа! Я твой раб“. Мама милая, что ты читаешь! Мужика бы тебе хорошего. Да где его взять: ближе к пятидесяти они рассасываются как доброкачественные опухоли без следа и наркоза. Да и в двадцать с гаком их не так уж много. Один Стрелкин. Свет на нем сошелся клином, что ли? Лариса прочитала дальше: „Рустам гордо вскинул бровь и направил орлиный взгляд под кровать Фатимы, из-под которой виднелся острый нос иноземного кожаного сапога“. О, вот это уже интересней! Ну и дает эта Фатима, нужно будет дочитать до конца на досуге.

А пока Лариса вглядывалась в толпу спортсменов, смутно понимая, что Степанцова там нет. Тем не менее она спрятала книгу в сумочку и пошла за ними. Крепкие подтянутые юноши гуськом зашли в раздевалку и закрыли за собой дверь. Ларису потянуло следом, хотя она знала, что ее присутствие будет по меньшей мере странно выглядеть в мужской раздевалке. Но заглянуть-то ей наверняка можно. Будто она кого-то ищет. А кого она ищет? Так этого, Степанцова.

Она подождала еще немного и заглянула.

– А... – протянула Лариса, разглядывая мускулистые, поджарые тела спортсменов. – ... Фатимы тут нет?

– Кого вам, девушка? – обратился к ней серьезный мужчина преклонных лет. Нет чтобы тот красавчик у окна, подумала она.

– Мне эту, Фатиму, тьфу, Степанцова мне!

– А, – закивал пожилой дядка, которого Лариса видела искоса, потому что безотрывно разглядывала красавчика. – Его здесь нет. Он может быть в зале.

И нагло выпер ее из раздевалки. Хотя она туда даже не заходила, а просто поставила ножку на порог. Кстати, весьма привлекательную. Нет, на Стрелкине свет клином не сошелся! Тем более красавчик усмехнулся и одарил ее белозубой улыбкой. Лариса пошла в зал, на льду разминалась другая команда хоккеистов. Через полчаса, во время которых она продрогла, как осенний лист на ветру, на лед вышла та самая команда, членов которой Лариса разглядывала в раздевалке. Она уже почувствовала себя их болельщицей и собиралась узнать, за кого же конкретно болеет, когда раздался свисток и началась игра.

Лариса искала глазами белозубого красавчика, он играл под номером тринадцать. Легко скользил по льду, опрокинул одного противника. Подставил подножку другому. Третий не стал дожидаться, пока с помощью красавчика окажется на четвереньках, и дал тому по шлему. Шлем отлетел в одну сторону, красавчик в другую. Началась потасовка, за красавчиком прибежали двое с носилками и потащили его к выходу. Лариса еле успела заметить, в какую машину «Скорой помощи» среди заранее подготовленных к игре его положили.

– Все, доигрался, белозубый, – сплюнул стоящий рядом с ней парень, чей-то фанат. Скорее всего, противников красавчика, – бесплатный общественный транспорт ему обеспечен!

– Почему? – искренне удивилась Лариса.

– Так он теперь инвалид! – радостно объяснил ей парень.

Вот этого не надо. Это у нее уже было, и неизвестно, может, еще будет. С нее хватит одного инвалида Степанцова. Кстати, где же он?

Лариса подхватила и побежала назад. Но бдительная охрана уже никого не пускала на матч. Покупать билет ей совершенно не хотелось, и она, не задумываясь, соврала:

– А мне в отдел кадров!

Охранник не поверил, но пропустил. И пошел за ней следом, показывая дорогу среди многочисленных дверей и закоулков.

– Вам сюда! – грозно сказал он, тыча пальцем в одну из дверей.

– Ха! – ответила ему Лариса и вошла.

В отделе кадров муниципального предприятия «Ледовый дворец» провинциального городка Тугуева работала не такая доверчивая особа, как в местном загсе. И возраст ее явно зашкаливал. Строгие очки дополняли такой же грозный, как и у охранника, вид.

– Вам что нужно, дама? – поинтересовалась она.

– Видите ли, – начала на ходу придумывать Лариса, – я бы хотела узнать, где сейчас находится Василий Васильевич Степанцов.

– Я бы тоже, – усмехнулась дама. – А вам зачем?

– Понимаете, он выиграл в Туле тульский самовар! Ему нужно получить приз и расписаться.

– Какой еще самовар, какая Тула? Вы, дама, откуда?

– Из Тулы, – не моргнув глазом, соврала Лариса.

– А, – поморщила лоб особа, – видно, когда он был в командировке. Но, знаете ли, милочка, тут такое дело. Он взял отпуск по собственному желанию, и сегодня его нет на работе. Не будет и завтра, и в ближайшие дни, – опередила она дальнейшие вопросы.

– А не могли бы вы дать мне его домашний адрес? Я ведь из Тулы, самовар оставила на вокзале. Долго задерживаться, дожидаясь, пока он наотдыхается, не могу.

– Вам по месту регистрации или фактический? – поверила ей особа.

– Оба! – обрадовалась Лариса. – И еще все возможные места его отдыха. Очень нужна его роспись!

Игру она досматривала с большим воодушевлением, хотя белозубого красавчика уже не было. Но вместо него еще один игрок под номером один так же виртуозно скользил по льду, опрокидывал противников, ставил подножки, не покидая ворот. Ларисе он чрезвычайно нравился, она болела за него и переживала, когда вместо очередного игрока в ворота забрасывали шайбу. Нужно развестись, обязательно нужно, думала она. Столько возможностей и вариантов только в одном месте! А она сидела в своем архитектурном бюро и знать не знала, что на льду поблизости происходят такие страсти-мордасти.

Но когда и вратаря унесли в том же направлении, что и красавчика, Лариса задумалась. Если спортсменов с такой частотой уносят с поля боя, то неизвестно, что лучше: сидеть в девках или быть замужней дамой. Последнее казалось не так уж и плохо. Единственное, что омрачало эту ситуацию, – отсутствие законного супруга. Нужно его обязательно найти. Ларисе не терпелось начать поиски сразу же. Она щупала положенную в карман бумажку с адресами и прикидывала, куда завтра отправится. Сегодня нужно досмотреть эту самую игру. Может, унесут еще кого-нибудь из хоккеистов, и она вместе со всеми закричит: «Судью на мыло!» Кричать на судью ей очень нравилось. Особенно когда она вспоминала, что ее дело с разводом вполне может дойти до суда. Если Лариса не договорится с Василием заранее. Надо найти его и побеседовать!

– Судью на мыло! – скандировали болельщики, когда выносили очередную жертву жаркой ледовой борьбы.

– На мыло! – с воодушевлением кричала вместе с ними Лариса, соскакивая с места.

Возвращалась домой она вечером, но было еще довольно светло, и ей пришлось пробираться к подъезду огородами. На детской площадке перед домом на качелях размахивал длинными ногами Стрелкин. Его темпераментные раскачивания говорили о нервном настроении. Поднимать с ним вопрос о своем разводе Лариса не хотела, а обсуждать их запутанные отношения тем более. Безусловно, Роман ей нравился. Она после одной бурно проведенной с ним ночи даже как-то позвонила ему и предложила взять ее в жены. Тот растерялся, сказал, что должен переговорить с мамой. Лариса не увидела в этом ничего хорошего и не услышала того, что хотела бы услышать. Кстати, сразу после того телефонного звонка ей и подвернулся Степанцов со своим бракосочетанием. Так что вскоре после этого созревший до женитьбы Роман сам оказался виновным в Ларисином скоропалительном замужестве. И нечего теперь сидеть на детских качелях и болтать ногами.

– Дяденька, слезь по-хорошему! – кричал ребяенок, нацеливаясь на Романа игрушечным пистолетом.

– Сейчас, сейчас, мальчик, – отмахнулся от него «дяденька» и получил в лоб струю воды с перцем.

Нельзя недооценивать современные игрушки. Лариса тихо засмеялась и, пока ее жених утирал лицо и ругался, потому что перец с водой попал в глаза, быстренько забежала в подъезд.

Но если встречи с Романом ей удалось достаточно удачно избежать, то от его мамы ей было не уйти. Она стояла у двери в Ларисину квартиру, заслоняя ее могучим телом.

– Ну и как? – поинтересовалась она вместо мирного соседского «Добрый вечер», устранивая руки на обширных боках.

– Отлично, – порадовала ее Лариса, думая, что приветственные нежности в связи с накаленной обстановкой можно пропустить.

– У кого – отлично?

– У всех. – Лариса решила протиснуться бочком, но наткнулась на решительное противодействие.

– Значит, отлично и у моего сына? И вы женитесь? Мальчик не спит ночами!

– Какие ночи? Он только вчера узнал, что я это... немного замужем.

– Ты развелась?!

– Это длительный процесс, мой муж вполне может оказаться инвалидом, лечь в больницу, взять отсрочку от суда...

– Отсрочки берут от долгов, от армии, к примеру, – заявила мадам Стрелкина. – Сознавайся, ты его любишь?!

– Ну, как я могу сразу ответить на такой вопрос? Я видела его мельком, сначала издали. Но он сразу мне понравился, что-то внутри так сжалось, екнуло...

– Я про своего мальчика.

– А! Романа? Конечно. А как же! Тоже что-то вдруг екнуло...

– Если не разведешься, не так еще екнет, уж поверь. – Ирина Викторовна освободила проход. – Если обидишь моего мальчика! – И ее грозный кулак описал несколько криволинейных фигур в воздухе над Ларисиной головой.

«Мама милая, такая у меня будет свекровь», — подумала Лариса. В качестве соседки она была гораздо лучше. Если и дальше так пойдет, то в следующий раз она станет выбирать не жениха, а свекровь. Сначала поглядит на всех его родственников и только потом подпустит к себе жениха. А еще лучше, если он окажется сиротой. Казанской. Лариса не помнила, откуда она знает, что именно в этом городе полным-полно сирот.

Войдя в коридор, она услышала телефонный звонок. Ее мама, которая жила на соседней улице, решила поинтересоваться судьбой дочери и ее романом. Но сначала она спросила, не

потеряла ли Лариса ее любимый роман. Она обрадовалась, когда узнала, что ни того, ни другого дочь пока еще не потеряла.

Глава 2

Мир в семье – не пуд соли съесть

В семье Степанцовых в этот погожий летний день было беспокойно. Сам хозяин, Василий Иванович, хозяйка, Наталья Владимировна, и их младшая дочь Светлана были сильно озабочены предстоящим визитом законных представителей управления социальной защиты населения. Они решили обязательно защититься от произвола коммунальных чиновников, поднявших платежи до немыслимых для рядового российского пенсионера высот. Но эти законные представители сами были в определенной степени чиновниками, оттого подготовка шла полным ходом. Дело нельзя было пустить на самотек – представители знали, что пенсионеры Степанцовы изредка приторговывают на бывшем колхозном рынке овощами и фруктами со своего дачного участка, и ставили им это в вину. Конечно, торговать морковкой пенсионерам никто не запрещал. Но выплачивать субсидию на оплату коммунальных услуг социальные работники категорически отказывались, ссылаясь на многочисленные бумажки.

Так как наше гуманное государство все предусмотрело, то и здесь для семьи Степанцовых была оставлена небольшая надежда – социальные работники должны были вынести решение о назначении субсидии, применяя тактику индивидуального подхода. А он-то, этот самый подход, как раз и заключался в том, чтобы нагрянуть к жилищу и описать все его имущество. Может, индивидуальный подход заключался в другом, но Степанцовы этого не знали. И, поджидая комиссию, готовились по полной программе.

Конечно, Светлана была лишней на этом мероприятии. Она так давно достигла совершеннолетия, что уже забыла об этом. Светлана жила отдельно от родителей и появлялась у них исключительно в тот день, когда приносили пенсию, урожай или подарки от старшего сына Василия. Но в этот раз отец стукнул кулаком по столу и приказал ей под страхом того, что больше не даст ни рубля из своей пенсии, присутствовать и являть собой моральную поддержку.

Светлана являла не только моральную поддержку, но и физическую. Зайдя в комнату родителей, она сразу же схватила за телевизор.

– Не тронь объект культурного досуга! – кричал Василий Иванович, быстренько натягивая на себя латанные-перелатанные портки, отложенные на антресоли до худших времен.

– Это предмет роскоши! – возражала неблагодарная дочь и волокла телевизор на лестничную площадку, где ее уже поджидал «гражданский» муж Николай. Тот сгреб аппарат могучими руками в охапку и вместе с ним скрылся в лифте. Внизу его ждал припаркованный вплотную к подъезду автомобиль популярной у тугуевцев марки «Москвич».

Следом за телевизором в лифт попал и холодильник «Саратов», изъеденный молью ковер, стиральная машина «Малютка» и пылесос «Бош» неизвестного производства. Василию Ивановичу пылесос было не жалко. Тот, как настоящий гурман, всасывал в себя лишь то, что хотел. Чаще это были не пыль и мелкий сор, а разбросанные по комнате носки Василия Ивановича.

– Береги носки! – посоветовал он зятю и кинулся к антресолям за рубашкой.

– Ой, что деется, ой, что деется, – причитала Наталья Владимировна, запихивая в пакет свои выходные костюмы, самому новому из которых недавно стукнуло десять лет. – Возьми, дочь, носи сама!

Но дочь ее не слышала, она пыталась в ванной комнате отвернуть новенький блестящий смеситель, купленный сыном после того, как старый приказал долго жить. Действовать пришлось маникюрной пилочкой, отворачивая болтики и шурупы. Руки скользили, роняли пилочку, но Светлана не сдавалась. Ей предстояло еще снять унитаз – его тоже приобрел Васи-

лий-младший совсем недавно. Можно было заняться финской ванной, но здесь придется повозиться, а времени оставалось в обрез. К тому же финны продали эту ванну два десятка лет назад, и большой ценности она уже не представляла.

На лестничной клетке раздался оглушительный вопль и послышался гулкий удар. Светлана бросила смеситель и выбежала взглянуть, что произошло. Николай стоял молча, держа в одной руке пылесос «Бош», а в другой – ржавое металлическое ведро, доверху наполненное картофельными очистками. За то же ведро держалась соседка, которая оглушительно вопила, что это ее помойное ведро, а негодник пытается его спереть.

– Верни емкость! – приказал зятю Василий Иванович, прибежавший на шум.

– Ба! Батюшки-светы! Соседушка! Да что тут у вас случилось? Ты никак милостыню собрался просить?

– Ага, – серьезно кивнул Василий Иванович, – ее. Субсидией называется. Все, концерт окончен. Родственники, – тут он выразительно посмотрел на Николая, – могут быть свободны!

– А я что? – Тот недоуменно пожал плечами, возвращая ведро. – Я ничего. Оно стояло рядом с пылесосом.

– На минуту выставила, – запричитала соседка, возвращаясь к себе в квартиру, – на одну минуту! И сразу сперли!

Степанцовы вернулись в комнату. Пустые стены с белесыми облезлыми обоями в мелкий цветочек, сиротливое, без занавесок, окно, потертый пол...

– Паркет! – закричала Светлана и бросилась отдирать досочки. – Это роскошь!

– Старье это, а не роскошь, – вздохнула Наталья Владимировна, – не тронь.

– Кстати, о старье, – вспомнил Василий Иванович, обращаясь к жене, – давай-ка, любезная, изобразим из меня инвалида.

– Один момент, – отозвалась Наталья Владимировна и скрылась в коридоре. Вернулась с лопатой, привезенной с дачи, чтобы ту не унесли из тамошнего сарайчика. – Подставляй ногу!

– Ты что, ополоумела? Как же я хромой передвигаться буду?

– Вприпрыжку, – давясь от смеха, посоветовала дочь.

– Зато натурально будет, – не поняла юмора жена.

После бурного обсуждения, что же такое отбить у хозяина, чтобы он предстал перед социальными работниками инвалидом, сошлись на глазах. Бить их не стали, но на один повязали черный платочек. В латаных штанах и линялой рубаше, с повязкой на глазу и боевым выражением лица Василий Иванович стал похож на морского пирата, чудом выброшенного на землю. В отличие от него Наталья Владимировна отделалась лишь поношенным халатиком. Светлана выпендриваться не стала. Она всем своим видом давала понять, что оказалась в этой сумасшедшей семейке совершенно случайно.

В дверь позвонили.

– Пришли, рассаживайтесь по местам! – скомандовал Василий Иванович, указывая на три не случайно оставленных посреди комнаты стула. Жена и дочь сели. Он пошел открывать дверь.

На пороге стояла рыжеволосая девушка в легкомысленном секретарском прикиде.

– Добрый день, – сказала она, изумленно глядя на хозяина квартиры, – Степанцовы здесь живут?

– Так точно, – ответил ей Василий Иванович, – проходите, дорогая, мы давно вас ждем!

– Да что вы?! – еще больше изумилась Лариса, ведь это была она.

– С чего начнем? – поинтересовался хозяин.

– С Василия. Мне, понимаете, нужен Василий Степанцов.

– Он перед вами!

Лариса безвольно села на третий стул. Такого она не могла представить в самом жутком сне. Она знала, что люди дома совершенно не такие, какими бывают в общественных местах, но

не до такой же степени! Где его новый серый костюм, приличный галстук и стильная стрижка? А этот глаз. Ах, да, он же инвалид по зрению! В общественных местах он ходит с большим глазом без повязки – стесняется. А дома надевает ее. Теперь понятно, почему он разглядел Ларису только вблизи. Он и сейчас ее не узнает!

А как он постарел, осунулся и зачах. Конечно, женитьба не всем идет на пользу, но чтоб настолько! Значит, он переживает, и тяжело переживает... А что? Разлуку с ней? Или неудачную, по его мнению, женитьбу? Или еще что-то. И глаз, хоть и один, но такой злощипый!

– Вот, дорогая, простите, не знаю вашего имени-отчества, – начал Василий Иванович.

– Можно просто Лариса, – вставила она.

– Дорогая просто Лариса, так мы и живем.

Наталья Владимировна театрально закатила глаза к небу, как бы призывая в свидетели создателя.

– Да, – нашлась Лариса, чувствуя, что от нее чего-то ждут, – как-то не очень вы живете. Пусто.

– А что вы хотите? Денег едва хватает на хлеб и воду! – продолжал Василий Иванович, меряя шагами небольшую комнатку. – Лишних ртов, – он указал на дочь, – я кормить не в состоянии.

«Мама милая, – подумала Лариса, – на что это он намекает?»

– Я еще, простите, как вас зовут?..

– Лариса.

– Я еще, Лариса, к тому же инвалид. У меня зрение ни к черту и склероз прогрессирует. Василий Иванович, вживаясь в роль, поправил повязку.

– Ноги отказывают, печень пошаливает. Вот вы бы...

– Лариса.

– Да, Лариса. Вы бы стали жить с таким инвалидом?

Та развела руками, не в силах вымолвить ни слова.

– А она, – Василий Иванович указал на жену, – живет! Прямо, можно сказать, сожительствует уже длительный срок.

«Мама милая, – подумала Лариса. – Он двоеженец!»

– А наши дети! Какое они влачат существование, зная, что родители не сводят концы с концами?!

У него еще дети!

– Какое?

– Поверьте мне, голубушка...

– Лариса.

– Да, Лариса. Довольно жалкое. Сын наш, Василий...

– Кто? – В этом беспробудном мраке появился лучик света. – Как зовут вашего сына?

– Василий Васильевич, – ответила за мужа Наталья Владимировна, пока тот соображал, почему управление социальной защиты заинтересовалось его сыном. Защищать-то от коммунального произвола нужно было отца, а не сына, который вполне нормально зарабатывал и регулярно делал родителям дорогие подарки, сразу же перекочевывающие в квартиру их дочери.

– Так мне нужен ваш сын! – обрадовалась Лариса.

– А чем это я вам не подхожу? – возмутился Василий Иванович.

– Так потому что я его жена! – выпалила Лариса и показала паспорт.

– А как же социальная защита незащищенных слоев населения? – Василий Иванович обиженно поджал губы, понимая, что зря растратил весь свой пыл на неизвестную девицу, оказавшуюся не социальным работником, а чьей-то там женой.

– Вы – Васина жена?! – Наталья Владимировна чуть не лишилась чувств.

– Кто тут Васина жена? – недоумевал ее супруг.

– Я, Лариса.

– А, ну да, Лариса. Что?! Когда это он успел жениться! И не поставил нас в известность!

– Понимаете, – Ларисе пришлось оправдываться, – наше скоропалительное решение дало негативный результат. Мы расстались. Вернее, Василий убежал в одну сторону, я – в другую.

Она вспомнила, в каком состоянии оставила лежать Степанцова на полу в загсе, – вряд ли он мог двигаться, не то что бежать. Но пугать родителей было нельзя. Не могла же она им признаться, что пошутила и убежала, бросив новоиспеченного мужа на произвол судьбы.

– Вы поссорились? – предположила Наталья Владимировна.

– Точно! – обрадовалась подсказке Лариса. – Мы поругались. Так, из-за пустяка. Я теперь жалею, хочу извиниться. Но Василий от меня скрывается.

– Скрываться от такой девушки! – возмутился Василий Иванович. – Весь в меня, подлец! Я тоже сначала скрывался, скрывался...

– Пока я не нашла его у соседки, – укоризненно добавила жена.

– Так он у соседки? – снова обрадовалась Лариса.

Светлана снисходительно посмотрела на рыжеволосую дурочку. Надо же, как любит ее брата! Готова даже к соседке за ним топать.

– Что вы, – испугалась Наталья Владимировна, – он на даче. У друзей. Взял за свой счет и отдыхает. Вы же знаете, какая у него тяжелая работа.

Тяжелая, молча согласилась с ней Лариса, увозят и увозят на машинах «Скорой помощи».

– А как туда добраться? – поинтересовалась она.

– Вы сначала к нему на квартиру зайдите, может, он уже вернулся. Не любит Василий дачной жизни. Вы у него на квартире были?

Лариса отрицательно покачала головой.

– Вот подлец, – возмущался родитель, – даже не показал, где живет! Собственной жене! Что за отношение!

Степанцовы дали Ларисе подробное местоположение дачи друзей ее мужа, его номер дома, ключи от квартиры. И проводили с напутственными словами, что поддерживать мир в семье – не пуд соли съесть, кто старое помянет, тому инвалидом быть... Они решили, что, закончив разборки, с социальными работниками еще непременно встретятся. Лучше вместе с Василием. Но в случае чего можно и без него.

Когда Лариса спускалась по лестнице, ей встретились две миловидные женщины с сумками-портфельчиками и строгими глазами, поднимающиеся в квартиру, только что покинутую ею. Проходя во дворе мимо одного из открытых окон, она услышала знакомый голос:

– Так мы и живем, лишних ртов кормить не в состоянии! Денег едва хватает на хлеб и воду!

Социальные работники пришли к Степанцовым вовремя. Значит, скоро ей предстоит с ними встретиться снова. С ними, со Степанцовыми. Ее новыми родственниками. Конечно, они немного странные, но, если приглядеться, вполне приличные люди. Жалко только, что Василий не сирота, но его мама хотя бы гораздо меньше по размерам, чем Ларисина соседка Стрелкина. И не пытается заслонять собой дверь, требуя развода.

Свободного времени оставалось много, и Лариса решила, не откладывая на завтра, сделать то, что следовало сделать сегодня. Она отправилась навестить квартиру своего мужа.

Лариса поднесла ухо к замочной скважине. Тишина. Только слышно ее прерывистое дыхание. Сердце вот-вот готово остановиться! Она еще никогда не вламывалась в квартиру мужа-незнакомца. Она вообще не вламывалась в чужие квартиры. Хотя, подумала Лариса, о каком, собственно, взломе идет речь, если у нее на руках ключи от этой самой квартиры. Она достала связку и начала подбирать ключи к двум замкам. Как она ни пыталась себя успокоить, что на вполне законных основаниях открывает супружеский кров, руки почему-то упорно

дрожали и роняли ключи. Каждый раз они шмякались на коврик, который смягчал их падение, но все равно Ларисе казалось, что издаваемый при падении звук слишком громкий и вызывающий. Она оглядывалась по сторонам и торопила саму себя.

– Уважаемый дэвушк, – обратился к ней неожиданно появившийся откуда-то привлекательный молодой человек кавказской наружности в строгом черном костюме с кожаной папкой под мышкой, – я предприниматель-масквич, у миня зидесь приятэль. Ви не знает, гидэ он живет?

– Нет, – Лариса покачала головой, – я не знаю никаких приятелей, потому что сама здесь не живу.

Молодой человек посмотрел на нее подозрительно и исчез так же быстро, как и появился. Станный тип, чего он от нее хотел? Спрашивал какого-то приятеля, а сам даже его фамилию не назвал. Лариса хотела подумать на эту тему, но один из ключей наконец-то подошел к одному из замков, что вызвало у нее прилив дикой радости, затмив все остальное.

Квартирка оказалась двухкомнатной хрущевкой со старым балконом, требующей капитального ремонта, и совершенно лишенной всяких претензий крохотной кухонькой. Ларису сначала заинтересовала кладовка, именно туда обычно складывают ненужные в хозяйстве вещи. А по ним можно легко определить характер хозяина. К примеру, если он жмот, то его кладовка будет забита разным хламом, начиная от сломанных лыж и заканчивая пуговицами от заношенных рубашек. Василий жмотом явно не был, хотя старые лыжи с палками там были. Но кроме них – ничего! Лариса повертела одной лыжей, но та не смогла ей ничего сказать о характере Степанцова. Она свидетельствовала о том, что он имеет какое-то отношение к спорту. Но об этом Лариса знала и без лыжи.

После она занялась комнатой, спартанская обстановка которой подсказала, что ее муж не питает нежных чувств к антиквариату. Конечно, кровать в стиле Людовика XIV в этой комнате смотрелась бы уморительно. Но какой-нибудь комодик или пуфик вполне можно было пристроить у диванчика. Лариса села и принялась рассуждать, куда бы и что она поставила, будь она хозяйкой этих, пока еще холостяцких, владений. Получалась довольно симпатичная картина: у стены диванчик с пуфиком, у окна резной столик, на стене огромное зеркало во весь ее рост, посреди комнаты ковер ручной работы...

Лариса уперлась взглядом в стол с четырьмя стульями. На столе стояли две фотографии в одинаковых рамках. Она подошла и взяла в руки вторую. На первой, которую она окинула небрежным взглядом, была зафиксирована радость на лицах всего семейства Степанцовых. А вот на второй! Там ухмылялась прекрасная незнакомка со стервозным выражением лица. Наверняка та, на которой Василий собирался жениться! Так вот ты какая, несостоявшаяся жена. Совершенно непохожая на Ларису. Как же тогда он мог их перепутать? Плохое зрение все объясняет. Но как же он может работать тренером? Видно, его, бывшего спортсмена, держат из жалости. Круговая порука существует не только у медиков. Дорабатывает до пенсии, а пенсию спортсменам дают рано.

Лариса вытащила фотографию незнакомки из рамки и спрятала к себе в сумку. Нечего ее мужу любоваться на чужие портреты. Обязательно нужно будет в следующий раз вставить в рамку свою фотографию.

Но настанет ли он, этот следующий раз? Степанцов, почти слепой, сбежал черт знает куда! Кстати, а куда? Лариса полезла в карман и достала бумажку. Ее корявым почерком там было записано: «Деревня Нудельная, дом 21». Действительно, далеко. Но добрался ли он туда или все еще бродит по прилегающим лесам, исхлестанный еловыми ветками, тонет в непроходимых болотах, а может, злые звери рвут его на куски? Бедненький. Как же его бросить в таком состоянии? Как же потребовать развода? Как туда добраться?

Лариса смахнула набежавшую слезу. Как, как, на электричке. В эту Нудельную каждый день ходит электропоезд. «Завтра же и поеду», – решила она.

Глава 3

Вы – мой муж!

Утром Лариса встала ни свет ни заря. Предчувствуя, что и сегодня ее не оставят в покое соседи Стрелкины, она собрала свою сумочку и тихо вышла из квартиры. Зашелкивающийся замок предательски лязгнул, Лариса поежилась и быстро побежала вниз.

Железнодорожный вокзал в славном городе Тугуеве располагался на окраине и представлял собой замысловатый архитектурный комплекс из древних построек и современных зданий. В них в основном торговали сопутствующими товарами: продуктами (ясное дело, в дороге почему-то всегда зверски хочется есть), цветами (а вдруг кто-то кого-то решит встретить цивилизованно) и памперсами (кто его знает, зачем). Причем самым большим ассортиментом были представлены именно памперсы, разных размеров и расцветок.

Билеты на электричку продавали в маленьком киоске на углу прямо у перрона. Очереди, в отличие от мест продажи иных товаров, здесь никогда не было. Не потому что работники кассы ловко управлялись с продажей билетов. Просто тугуевцы были прирожденными зайцами. Они никогда не покупали билеты, а ловко маневрировали между контролирующими органами. Причем эта маневренность у них тоже была природенная. Она передавалась на генном уровне. От отца к сыну, от матери к дочери. Старожилы вспоминали о том, что, как только в послевоенное время в Тугуеве появилась первая электричка, у многих горожан отросли длинные уши. Потом этот атавизм мимикрировал, позволяя современным зайцам внешне выглядеть совершенно незаметно.

Лариса поначалу тоже не хотела тратить на покупку билета, но вдруг почему-то передумала и подошла к кассе. Приобретая билет, она уткнулась глазами в переписанное от руки расписание электричек, черканое-перечерканое красным фломастером. Ближайшая электричка на Нудельную отменялась. До следующей у нее оставался целый час! Возвращаться домой не хотелось. Конечно, она могла выпить лишнюю чашку кофе, но перспектива встретиться со Стрелкиной-старшей не вызывала у нее положительных эмоций.

Ларисе пришлось гулять по вокзалу, благо погода стояла вполне прогулочная – на шпалы светило июньское солнце, железнодорожные объявления нежно теребил слабый ветерок, на длинных усах стоящих в тупике электричек задорно пели птицы. Когда через полчаса ей это все порядком надоело, она решила сесть на лавочку и почитать мамин роман, предусмотрительно захваченный ею в дорогу. Лариса огляделась в поисках свободного места и вдруг заметила симпатичного горца, встретившегося ей накануне в подъезде Степанцова. Он, как ей показалось, тоже ее узнал и быстро затерялся в толпе. Кожаной папки, отметила про себя Лариса, с ним уже не было.

«Фатима жарко клялась в бесконечной любви Рустаму, моля его о прощении...», вот дура! Не могла придумать что-нибудь вроде этого: сосед зашел, а у меня как раз пуговица под кровать закатилась. Рустам бы спросил, а не от блузки ли твоей закатилась пуговица? А с чего бы это ей вдруг закатываться? Слишком высоко вздымала грудь при виде соседа?! Мужчины, они такие предсказуемые. Фатиме нужно было бы ответить, что грудь вздымала, думая о нем, Рустаме. Эх, на ее бы месте я бы наверняка выкрутилась, подумала Лариса. А вот она бы на моем? Молила бы о прощении? Ларисины раздумья прервал голос вокзальной дикторши, пообещавшей прибытие электрички на Нудельную на второй путь.

Весь город Тугуев сегодня решил ехать именно в Нудельную. Так, по крайней мере, показалось Ларисе, когда ее со всех сторон обступила толпа и внесла в вагон. Конечно, свободных мест уже не было. Ушлые тугуевцы влезли на них через окно. Ларису прижали к огромному дядьке с окладистой бородой и длинными усами. Она уперлась ему в живот носом, шмыгнула и

притихла. Ехать нужно было на эти чертовы кулички всего полчаса, уж как-нибудь она потерпит. Жаль только, что читать в таком положении совершенно невозможно. Придется вечером, когда она будет возвращаться, узнать, чем там все закончилось у Фатимы.

Зато Нудельная ее встретила как родную.

– Мама родная! – тискала Ларису в своих объятьях широкоплечая дородная селянка. – Какая девка выросла! Ноги от ушей – хоть к голове пришей, грудь колесом – не ходи лесом! Вся в мать!

– Вот старая дура, очки дома забыла. Кого тискаешь?! – оттащил от Ларисы селянку веселый после принятия горячительных напитков дедуля. – Не наша это девка. Та должна быть белобрысая, а эта рыжая! Ты приглядишься, она на Верку совсем не похожа.

– Да нет, – засомневалась дебелая селянка, вертя Ларису, как куклу, в разные стороны, – задница Веркина, хоть сковороду ставь.

– Морда лица не та! – не сдавался дед.

– Да нет, и морда Веркина. Такая же беспутная.

– А уши, глянь, уши-то не ее!

– Мои это уши, – возмутилась наконец Лариса, до которой дошло, что эти двое встречали не ее, а какую-то другую. Блондинку с толстой задницей и довольным лицом.

Они ее и встретили, когда отпустили Ларису. Блондинка оказалась худющей брюнеткой, злой, как кондукторша, только что изловившая зайца. Троица отправилась восвояси, переругиваясь между собой. А Лариса вдохнула свежий деревенский воздух и огляделась. Воздух оказался далеко не деревенским. До самой Нудельной от станции, где останавливалась электричка, еще было пилить и пилить пешком. Лариса остановила пробегавшую мимо женщину, по виду похожую на местную жительницу, и поинтересовалась, как дойти до деревни.

– Так по трассе и ступай, – показала женщина, – километров пять, не больше. Но можно и напрямки, – добавила она, увидев, что озадачила таким расстоянием горожанку. – Через поля с километр будет.

И она махнула рукой, показывая направление. Народ, что сошел с электрички вместе с Ларисой, уже маячил далеко впереди, в полях. Лариса поблагодарила тетку и отправилась за народом. Она прикинула – идти ей где-то полчаса.

Что росло на этих полях, она не знала. И узнать было не у кого: Лариса безнадежно отстала. Но среди этого неизвестного злака кое-где попадались колокольчики, внешний вид которых она помнила из детских книжек. Лариса принялась рвать цветы и плести из них венки, напевая популярный шлягер. Вдруг среди колокольчиков она обнаружила какой-то редкостный экземпляр и присела на корточки, чтобы его разглядеть. Внезапно она ощутила острое покалывание в области поясницы. Мама милая, подумала Лариса, неужели радикулит?! Но это была не мама и не радикулит. Это был совхозный бык Шатун. Лариса увидела его лицом к лицу, мордой к морде, когда повернулась на его призывное мычание.

Фатима наверняка упала бы в обморок ему под копыта. Но Лариса не сдрейфила, она подскочила, как горная антилопа, и понеслась через поле. Шатуну это чрезвычайно понравилось. До этого момента с ним никто не решался играть в догонялки, и он припустил за ней. Почувствовав погоню нутром, Лариса принялась зубами рвать только что сплетенный венок и бросать колокольчики в наглую бычью морду. Кидать в нее сумку было очень жаль. Там лежала дорожная косметика!

Ларису вынесло на окраину поля, но легче ей от этого не стало. Там паслось то самое стадо, от которого вечно отбивался бык Шатун. Коровы с худыми боками глядели на беглянку грустными глазами и сожалели, что она не дает им спокойно жевать колосовые.

– А-а-а-а! – заорала Лариса, выписывая круги между буренками, пытаясь криком расчистить себе дорогу.

– Му! – возмутилась одна из них, когда Ларисина сумка треснула ее по морде, подняла хвост и одарила землю свежей лепешкой.

– О-о-о-о-о! – завопила Лариса, ступив прямо в нее.

– Еканный бабай! – испугался проснувшийся от шума и крика пастух, прикорнувший под березой.

Он испугался не того, что корова возмутилась, и не того, что бык от удивления сел на задние лапы, как заправский пес, он испугался, что Лариса утонет в том мелком заболоченном пруду, куда она, поскользнувшись на лепешке, с разбегу запрыгнула.

Бульк – и по поверхности воды пошли пузыри.

Пастух кинулся выживать незадачливую ныряльщицу. Сделал он это быстро – пруд можно было пешком пройти вдоль и поперек. Искусственное дыхание ей делать не пришлось, соображала она отлично, только сначала не смогла разжать руку, уцепившуюся за сумку.

– Мама милая! – Это было единственное, что она сказала, сидя у березы и глядя на проложенную ею через все поле трассу. Создавалось впечатление, что по полю пронеслось стадо слонов. Один из которых, кстати, мирно жевал траву и не обращал никакого внимания на беглянку. Лариса, очухавшись, погрозила кулаком Шатуну, но тот как ни в чем не бывало продолжал питаться. Видно, гоняя ее по полю, нагулял хороший аппетит.

Лариса поблагодарила пастуха, поднялась и зашагала в сторону деревни. Тот проводил ее недоуменным взглядом и покрутил, глядя ей вслед, пальцем у виска.

Пройдя несколько шагов, она решила выжать мокрую майку с джинсами, для чего свернула в прилегающие к полю кусты. Но оттуда на нее выскочила испуганная непрошеной гостьей коза с козлятами. Лариса еле успела отбежать в сторону. «Ладно, – подумала она, – пойду так».

Нужный дом нашелся сразу. Пройти мимо двухэтажного особняка из калиброванного бруса было совершенно невозможно. Резные ставни, круглые окна, обрамляющие вход огромные балясины – все приковывало взгляд. Она постучала в добротную калитку, но ответа не последовало. Лариса подпрыгнула и заглянула через деревянный забор, во дворе никого не было видно. Она решилась и вошла.

Заходить в дом она не стала, а устроилась на большом крыльце. Для приличия позвала хозяина и, искренне обрадовавшись, что никого нет, стянула с себя джинсы и майку, намереваясь их отжать. В этот момент на ступеньках появилась овчарка.

– Не много ли животных по мою душу за один день? – задала Лариса той риторический вопрос, а в ответ услышала предупреждающее рычание. – Не переживай, милая, – сказала она собаке, – после того, что я пережила с быком, ты для меня суший котенок.

Овчарка обиделась за котенка, приблизилась на пару шагов, глухо зарычала и села.

– Ладно, ты не котенок, – согласилась с ней Лариса и потянулась за майкой, которую, пока отжимала джинсы, повесила немного просушиться.

Охранное животное сделало грозный выпад в сторону майки.

– Спокойно, спокойно, – примирительно сказала Лариса, – нельзя так нельзя. Слушай, а губы-то подкрасить можно?

Она медленно села и потянулась к лежащей рядом сумке. Собака молчала. Лариса достала помаду из мокрой косметички и подкрасила губы. После этого она снова предприняла безрезультатную попытку достать майку.

– Ладно, – сказала она собаке, – нет так нет. – И собралась натянуть на себя мокрые джинсы.

Кто хоть раз это пробовал сделать, знает, как это тяжело. Приходится извиваться в разные стороны, стонать, тужиться. Из всего этого перечня собака не позволила ей сделать ничего. Хорошо, что еще предупредила грозным рычанием. Лариса вздохнула, села и стала думать, как ей выкрутиться из щекотливой ситуации. Долго думать не пришлось. Ступеньки заскрипели, и на крыльце показался... Степанцов.

– Добрый день, – протянул он недоуменно, рассматривая полуголую девицу с зализанными волосами (хотя они на самом деле были просто мокрые) и с ярко накрашенными губами. – Вы, вероятно, ошиблись. Это в доме напротив мальчишник. Вам, вероятно, туда.

Степанцов ее не узнал! Ларисе захотелось заплакать.

– Нет, – она почувствовала, как у нее трясется нижняя губа, – мне – к вам.

Василий сел на стул и принялся пристально разглядывать девушку.

– Мы где-то с вами виделись? У Петрова? У Зорькиной? Ах, да, на свадьбе у Сидоркиных!

– На нашей с вами свадьбе! – разозлилась Лариса, решив взять быка за рога, представив, как расправляется с Шатуном.

В принципе она злилась не столько на Степанцова, сколько на себя. До чего дошла! Прыгать по полям и болотам, потом стоять перед мужчиной с размазанной по лицу косметикой совершенно голой, не считая трусиков, и оправдываться, как последняя падшая женщина, за все свои злоключения. Да, собственно, кто он такой, этот Степанцов, чтобы путать ее с путанами и отправлять на мальчишники?!

– Вы – мой муж! – заявила она и, не обращая никакого внимания на овчарку и Степанцова, принялась натягивать джинсы.

Степанцов боялся этой встречи. Он знал, что когда-нибудь ему придется встретиться с этой ловкой мошенницей и попытаться разрешить возникшую ситуацию. Он представлял ее вредной, злющей, лживой рыжей фурией. Но уж точно не почти раздетой девушкой с прекрасной фигурой и совершенными чертами лица. Степанцов подумал: встретиться ему эта девушка раньше и при других обстоятельствах, он бы никогда не прошел мимо нее. Но, заметил про себя Василий, а дальше что? Ничего. Вряд ли он предложил бы ей познакомиться и завязать какие бы то ни было отношения. Он как теленок, которого нужно вести за собой. Одна такая ведущая нашлась. Но из-за этой вертихвостки бросила его, любимую работу и уехала в другой город. И он остался, благодаря этой мошеннице, у разбитого корыта – с фиктивным браком. Кто она, эта девица – лимитчица? То есть их теперь вроде бы нет. Жительница ближнего зарубежья, приехавшая на заработки и решившая приобрести российское гражданство таким кошунственным образом, обманув доверчивого русского парня?

Василий рассуждал, глядя на то, как Лариса пытается влезть в свою одежду.

Вот и одевается она, думал Степанцов, вызываяще. Эта мокрая майка ничего не скрывает, а специально подчеркивает все ее выпуклости. Надо отметить, довольно притягательные. Но его, Степанцова, этим не возьмешь! А чем его возьмешь? Умом и тактом? Ни тем, ни другим, судя по всему, эта девица не блещет. Зато прочих отрицательных качеств у нее наверняка хоть отбавляй! Вон даже Пугай купился на ее подлую сущность и сидит рядом с ней, как прирванный. Смотрит на нее во все свои собачьи глаза, из которых так и прет неискушенная преданность. Сейчас она оденется и кинется к нему, Василию, на шею, начнет плакаться на свою тяжелую ближнезарубежную жизнь, на мать-хохлушку, бросившую ее на произвол судьбы, на отца-алкоголика...

– Нам нужно срочно развестись, – заявила Лариса, когда оделась и расчесала волосы.

До этого молчавший Степанцов от неожиданности крикнул.

– В каком смысле?

– В прямом. – Лариса села рядом с ним и мирно сложила руки на коленях. – Пойти в загс и развестись, пока у нас нет общих детей, они это сделают.

– Что значит – пока? Мы что, помимо торжественной регистрации, еще чем-то занимались?

– Размечтался!

– Не грубите, простите, я не знаю, как вас зовут.

– Раньше вы называли меня Ларисой.

– Так звали мою невесту, – сощурил свой глаз, косивший в сторону Ларисы, Степанцов. – Так и вас тоже зовут Лариса?

– Я не знаю, как там зовут или, – следующие слова она произнесла специально с нажимом, – звали вашу невесту. Мое имя Лариса, я по документам ваша официальная жена. Но долго быть ею не собираюсь и требую развода.

Степанцов внимательно выслушал тираду, потер рукой лоб и наконец-то сообразил:

– Так я вас перепутал!

– Ничего не знаю, – приврала Лариса, – мне предложили замуж, я согласилась. Если вы ничего не помните, – здесь Василий активно закивал головой, – так я могу рассказать. Дело было поздним вечером. Мы с подружкой пришли на вечер встречи «Кому за...», неважно сколько. Я увидела вас, вы были в сером костюме, при галстуке, вы увидели меня. Наши взгляды встретились, как мне показалось, между нами что-то вспыхнуло. Потом меня закружили в танце. Снова мы с вами встретились у дверей буфета и познакомились. Вы повели меня в зал бракосочетаний, нас там расписали. Но когда вы заорали, что я – это не она, я испугалась и убежала. Вот и все. Больше мне рассказывать нечего. Помимо того, что я искала вас и наконец-то нашла...

– И нас просто так расписали? Не спросили, согласны ли вы? И согласен ли я?

– Ну почему всех волнует один и тот же вопрос?

– Ах, так об этом уже знают все!

– Только ваши родители, – потупилась Лариса, – должна же я была сказать им, кто я такая, раз вас разыскиваю.

– Вы могли бы представиться моей хорошей знакомой, к примеру! – Степанцов представил, что было с его родственниками, когда они узнали о женитьбе, и что с ними будет, когда они узнают, что он развелся.

– Не могла бы, – язвительно ответила ему Лариса, – кто даст координаты своего сына девушке, с которой он почему-то не хочет встречаться?

Степанцову надоело спорить. К тому же Лариса сидела такая мокрая и несчастная, что ему стало ее жаль.

– Ладно, позже об этом поговорим. – Он поднялся и, как гостеприимный хозяин, указал на дверь в дом. – Пройдемте, чаю выпьете.

– Давайте на «ты», – предложила Лариса, – а то как-то неудобно получается. Муж с женой на «вы». Что ваши друзья подумают?

– Ничего, они понятливые. Да их, кстати, и нет. Они уехали на пару дней в город по делам.

– Значит, – Лариса напряглась, – мы с вами в этом большом доме совершенно одни?!

– Совершенно одни, – злорадно улыбнулся Василий, – ну, если только не считать Пугая. Кстати, с ним также можно перейти на «ты».

Только они устроились за дубовым столом на веранде, увитой вьющимися растениями, за окном пошел дождь. Ливень с порывистым ветром и градом, срывающим все на своем пути.

– Как хорошо, что ты успела до дождя, – почему-то сказал Степанцов.

– Да, хорошо, – согласилась с ним Лариса и глотнула крепкий ароматный чай.

Семейная идиллия в отдельно взятом доме. У самовара я и моя Лара... Пугай, скрываясь от дождя, тоже устроился на веранде, развалившись на полу в блаженной позе. Все могло бы быть иначе, подумала Лариса. Степанцов ей нравился. Даже очень. Несмотря на его, как ей казалось, вредный и злой характер. Высокий, плечистый, умный. И видит вроде неплохо. Во всяком случае, ее заметил сразу. Совсем даже не инвалид. Хотя какой мужчина может не заметить раздетую девушку? Только слепой. Этот заметил. Интересно, и как она ему?

Степанцов смотрел на Ларису и думал, что все могло бы быть совсем иначе, окажись на ее месте та, другая. И как оно было бы, это «все иначе»?

– Что ты собираешься предпринять после нашего развода? – вдруг поинтересовался он у Ларисы.

Та чуть не подавилась печеньем.

– Я? Да выйду замуж! – ответила она с напускной бравадой.

– Ты и сейчас замужем.

– Муж мужу рознь, – со знанием дела провозгласила Лариса.

– И чем же он лучше меня?

– Не знаю, – честно призналась она. – Может, лучше, а может, и нет. Я-то тебя совершенно не знаю.

– Вот и давай не будем спешить. Посмотрим друг на друга.

– Ты и так смотришь на меня, – уколола она его, – и что видишь? Аферистку, навязывшуюся тебе в жены?

– Да нет. Ты не мошенница.

– Вот спасибо, значит, я нормальная, вполне приличная девушка.

– Насчет приличной ничего сказать не могу. А вот о нормальности стоит подумать. Какая бы еще девушка сделала то, что сделала ты?

Лариса надулась и отодвинула чашку. А что еще можно было ожидать от этого субъекта? Благодарности и любви?

В знак примирения Василий предложил пройтись, прогулять Пугая.

– Только не на поля, – испугалась Лариса, – там и без него есть кому гулять.

И они отправились в лес.

– Мама милая, сколько колокольчиков! – радостно завопила Лариса на лесной опушке, кидаясь собирать цветы.

Пугай носился рядом с ней, виляя от радости хвостом до такой степени, что Василий испугался, как бы тот у него не отвалился. Он сел прямо на траву и наблюдал за Ларисой, носившейся по опушке с песнями. Вдруг из леса вышли две моложавые женщины и направились к Степанцову.

– Ой, Василий Васильевич! Какая неожиданная встреча, – защебетали они. – И Пугай здесь, и... А кто это?

И палец одной из них указал на Ларису.

– Это... – Степанцов замялся.

– Жена его, – опередила Василия Лариса, – самая что ни на есть законная.

– Ой, – разочаровались бабы, – а мы-то думали, вы холостяк!

– Зря надеялись, – язвила Лариса, сама не зная почему.

– Зря, – согласились селянки, – вы уж тогда не обессудьте. Мы вас на сегодняшние посиделки не приглашаем. Конечно, если б вы одни пришли, – и они с надеждой поглядели на Степанцова. Тот молчал, предоставляя Ларисе возможность говорить вместо него.

– Хорошо, бабоньки, – сжалась Лариса. Ну, не собака же, в самом деле, она на сене: сама не ам и другим не дам. – Он придет, если захочет. Я его не держу.

Бабы недоверчиво поджали губы и отправились в деревню.

– А я смотрю, ты тут времени зря не теряешь, – обратилась она к Василию.

Тот пожал плечами и усмехнулся. Вот гад, подумала Лариса, мог что-нибудь и ответить. Что-нибудь вроде того: «Я? Да ни в жисть! Да никогда! Да кроме тебя...» Стоп. Это уже другой должен ей отвечать. Не стоит забываться. Она приехала к Степанцову за разводом.

Кроме местных жительниц, они вечером больше никого не встретили. Ни с кем не поговорили. Даже друг с другом. Ходили, бродили по лесу и не перемолвились ни словом. Только когда Лариса чуть не наступила в очередную лепешку, Степанцов поддержал ее под локоть и сказал: «Осторожно». Рядом с ними носился Пугай, полностью оправдывающий свою кличку. Только пугал он почему-то одних птиц, прыгая на кусты и заливаясь громким лаем.

В дом они возвратились, когда уже начало темнеть. Лариса залезла в хозяйский холодильник в поисках еды, но ничего, кроме куриных яиц, не обнаружила. Из них она на скорую руку соорудила яичницу. После ужина полагалось отправиться на боковую. Интересно, думала Лариса, и как же мы разместимся?

– Я лягу на втором этаже, – будто услышал ее мысли Василий, – а ты устраивайся на первом. Здесь есть очень удобная гостевая комната.

– А она закрывается на задвижку?

– И еще на два замка. А в качестве личной охраны можно взять Пугая.

– Отлично, – улыбнулась Степанцову Лариса, – меня это вполне устраивает. Спокойной ночи. Кстати, можно считать, что мы договорились?

– О чем? – не понял тот.

– Как о чем? О разводе? Мы возвращаемся в город и идем в загс разводиться.

– А, об этом. Да, договорились.

– Отлично, – снова улыбнулась Лариса и скрылась за дверью гостевой комнаты. Но тут же выглянула и крикнула Степанцову: – Не забудь про приглашение на посиделки!

Тот что-то буркнул в ответ и поскрипел наверх.

Лариса оглядела комнату, в которой ей предстояло провести ночь. Можно было вернуться в город, но идти через поле в темноте – увольте! Даже если учесть, что Степанцов вызовется ее провожать. А вдруг у него куриная слепота? Да и комната оказалась вполне удобной: широкая кровать, туалетный столик, телевизор на тумбочке. Как раз сейчас идет сериал «Счастливые тоже плачут». Но расстраиваться по поводу чужой судьбы ей уже не хотелось. Нужно сначала разобраться в своей. Она разделась и легла в постель, решив немного почитать перед сном. Но, как оказалось, книгу вместе с сумкой она забыла на веранде, где они днем пили чай. Тихонько отодвинув задвижку, Лариса в кромешной темноте стала пробираться туда, предварительно нащупывая себе путь руками. Ага, вот она, эта дверь, вот он, дубовый стол...

– Вай-ау! – раздалось на весь дом, когда Ларисина нога наступила на что-то мягкое и теплое.

– А-а-а-а! – закричала она.

– Что случилось? – В доме вспыхнул свет, и на веранду прибежал Степанцов.

Снова он увидел рыжую девицу совершенно раздетой. В одних трусиках. Грудь она прикрывала раскрытой книгой, на обложке которой, как раз на уровне груди, красовался крупный заголовок «В поисках страсти».

– Понятно, – процедил Степанцов.

– Что тебе понятно?! – с вызовом возразила Лариса, крепко прижимая книгу к голым частям тела.

– Что ты наступила на Пугая, – миролюбиво заметил тот, стараясь не смотреть на нее. – Лучше возьми его с собой в комнату. И не выключай там, пожалуйста, ночную лампу. Я не хочу, чтобы вернувшиеся хозяева нашли вместо своей собаки истоптанный мохнатый коврик.

Он пожелал ей спокойной ночи и ушел.

Ну и ладно, подумала Лариса, пусть воображает себе, что она хотела его соблазнить. А если он придет к ней ночью? Поэтому и сказал, чтобы она не выключала лампу? Но тогда почему предложил взять Пугая? А какая ему разница, тот все равно его слушается. И не издаст ни звука, когда Василий зайдет к ней ночью в комнату. Для того, чтобы... А для чего? Чтобы совершить над ней насилие. Но это только у американцев требование выполнения супружеских обязанностей расценивается как изнасилование. У нас, русских, раз жена, значит, должна, как пионер, быть готовой и днем, и ночью. А она жена. Его, Василия Степанцова. Значит, должна быть готова?

Лариса долго не могла уснуть, ворочаясь с боку на бок. Лампу выключать она не стала. Собака улеглась рядом с кроватью на коврике и спала, мирно похрапывая. Лариса снова

достала книгу и продолжила чтение: «Фатима поднесла кинжал к своему сердцу и сказала Рустаму последнее прости...»

Утром Лариса прочитала «последнее прости» в свой адрес.

Она проснулась, оделась и направилась к умывальнику, замеченному ею вчера на веранде. Но там, помимо умывальника, все еще стоял дубовый стол. На нем белел большой альбомный лист с мелкими каракулями. Лариса сквозь слезы прочитала записку: «Прости, что уехал. С разводом подожди. О Пугае позаботятся соседи. Василий». Ни тебе «дорогая», ни тебе «целую». Ни другой крайности – жду завтра у загса, приходи разводиться. Вот и верь мужчинам, когда они отвечают, что договорились. Это они накануне договариваются, а утром у них мозги набекрень и все уговоры побоку. И не передоговоришься – его уже и след простыл! Где теперь его искать? Снова идти к его неадекватным родителям?

Лариса вернулась в комнату, свалилась на кровать и разревелась.

Глава 4

Соблазнителью отрезать...

Василий Степанцов тоже долго не мог заснуть этой ночью. Положение было настолько щекотливым, что ставило его в тупик. Явилась особа, которая издевательским образом заставляла его на себе жениться, и стала требовать развода. Однако на мошенницу она не смахивала. На аферистку тоже. Но... кого-то она ему смутно напоминала. На кого-то она была похожа! Самое главное, что за всю бессонную ночь Степанцов пришел к единственному выводу – разводиться ему не стоит. С таким трудом он решился на женитьбу, что если разведется, то уже точно никогда не женится. Мать с отцом не дождутся внуков, сестра – племянников, он – детей. Хотя о какой семейной жизни с этой не по делу оголяющейся вертихвосткой может идти речь? А почему бы и нет? Яичницу жарит вполне прилично. Фигура у нее – зашибись. Степанцов аж вздрогнул от своей характеристики внешности этой девицы. Еще ни про кого он так не думал! Читает, правда, всякую глупость, но они все любят сопливые книжки про любовь. В крайнем случае можно подсунуть ей приключения с похожим названием. Короче говоря, к утру Василий решил, что разводиться не будет, подождет, разберется в себе. Пусть и она не спешит. Куда ей торопиться? Не на пожар ведь.

Дождаться, пока проснется Лариса, он не стал. Оделся и тихо вышел из дома, намереваясь незаметно улизнуть в город. Степанцов, чтобы сократить путь, решил идти полем. А там в это время...

Нет. Там не было Шатуна, пастуха и сопровождающих им коров. Там прямо посреди поля стоял огромный джип с двумя бритоголовыми парнями.

– Шеф сказал, он сейчас появится. – Один из них облокотился на капот, указывая в сторону деревни.

– Какой он из себя? – поинтересовался второй, сидевший у колеса.

– Во! – Первый достал снимок, сделанный в моментальной фотографии. На нем была изображена симпатичная пухлая девица в обнимку с веселым парнем, скорчившим двусмысленную рожу.

– Ну и что это? Ничего не понятно. Таких рож, как у него, в этой деревне через одну. А если с перепоя – то у каждого.

– Тише! Гляди, идет!

По полю шел Степанцов. Он спешил, зная расписание электричек. Как раз через десять минут одна из них увозила дачников в город.

– Эй, мужик! – закричал первый. – Помоги! Машина заглохла.

– А что нужно делать? – спросил поравнявшийся с ними Василий.

– Подсоби, сзади толкните вместе с Никитосом, – объяснил ему тот.

– Ладно, – согласился Василий, – только быстро, у меня электричка скоро.

– Одним махом, – обнадежил его второй, который вместе с ним зашел со стороны багажника.

Как только Василий протянул руки к багажнику, наклоняясь и принимая позу для упора, Никитос легким движением могучей руки открыл багажник и впихнул туда Василия.

– Как и обещал. – Он закрыл багажник на замок и сел рядом с водителем. – Поехали в пыточную.

От этих слов у Степанцова в багажнике перекошило лицо.

– А это точно он?

– Точно, – вспомнив перекошенную физиономию Василия, убедил подельника водитель.

Ехали недолго, Степанцов, скрючившись в багажнике, сообразил, что попал в руки к двум бандитам, которые чего-то от него хотят. Так как в своей жизни ничего противозаконного он не сделал, значит, дело касалось женщины. За последние десять лет у него было их две: та, которая стала его женой, и та, которая не стала. Кто из них мстит ему?

– Вылазь и не ерпенься, а то... – и Никитос показал ему огромный кулак.

Василий решил не сопротивляться и подождать, когда бандиты выдвинут свои требования, а пока огляделся. Привезли его в дом, весь первый этаж которого служил гаражом. Участок небольшой, забор хоть и глухой, но невысокий... Степанцов просчитывал пути возможного побега. Бритоголовые провели его в гараж, который действительно напоминал пыточную комнату. Посреди двух серебристых навороченных иномарок стояло зубопротезное кресло с ремнями на подлокотниках и в ногах. Рядом на высоком столике, предназначенном для медицинского инструмента, хранились кастет, баллончик с каким-то газом и пистолет. «Вот гады, – подумал Степанцов, – сперли оборудование из стоматологической поликлиники. Нет чтобы людям на этом кресле зубы лечить, так они собираются их выбивать!»

– Садись! – скомандовал ему первый бандит, которого Никитос по дороге в дом назвал Харламом.

– Ребята, – миролюбиво заметил Степанцов, – может, договоримся без мордобития?

– Нет, не получится, – покачал головой Харлам, мощным торсом пододвигая жертву к креслу, – нам приказано провести допрос. А приказы не обсуждаются. Никитос, готовь записывающую аппаратуру!

– Вы что, собираетесь это кинуть в сеть?! Реалити-шоу? Попытки в реальном времени?

– Будет тебе шоу, если не сядешь! – рявкнул Харлам. – Итак, приступим, – начал он, когда Василий полулегал в кресло.

Кстати, бритоголовые его даже не пристегнули! Настолько уверены в своей силе? Отлично, нужно этим воспользоваться, подумал Василий.

– Как ты с ней познакомился? – спросил Харлам, доставая из кармана бумажку и бережно разглаживая ее помятые края. По всей видимости, задаваемые вопросы были записаны на ней.

Василию все стало понятно. Его похищение связано с этой вертихвосткой!

– Она сама подошла ко мне, сказала, что я ей понравился и все такое, – честно признался он.

Харлам посмотрел на Никитоса, тот скривил физиономию, как бы говоря: что с нее взять, вешается на кого попало. Говорить-то, что они думают, было нельзя. Допрос записывался на диктофон, аккуратно уложенный на медицинский столик.

– И что было потом?

– Мы расписались. Зарегистрировали свои отношения. Всего лишь. – Степанцов не понимал, чего эти двое от него добиваются.

– Тайно от всех? – решил внести свою лепту Никитос и, наклоняясь к микрофону, добавил: – Сволочь!

– В некотором роде тайно, – согласился Василий. – Мы не стремились к огласке. Но если бы она захотела, я был бы не против, чтобы узнала общественность, ее родители...

– Ах ты, гад! Не тронь святое! – обрушился на него Никитос. – Ее отец бы двинул кони, узнай он, что узнала общественность!

Из этих слов Василий понял, что не все еще потеряно и ему повезло, что на бракосочетании не было лишних свидетелей.

– Кто еще знает, что вы поженились? – читал бумажку Харлам.

– Мои родители.

– Придется их убрать, – Харлам чиркнул ладонью по горлу. Явно нес отсебятину.

– Еще чего! – возмутился Василий. – Ладно я, но родителей из-за какой-то вертихвостки!

И тут же получил в челюсть. Когда он пришел в себя, перед его глазами предстали две испуганные физиономии, наклонившиеся над его головой.

– Живой, – радовался Никитос, – ты его того, потише, а то двинет кони. Шеф сказал, пугануть, зять все-таки.

О! Куда это он влип? Какой зять? Зять бандита! Теперь понятно, в кого эта девица. В отца-преступника. И живет по своим преступным законам. Захотела его, Степанцова, и женила на себе. Захочет убить и бьет? Или это сделает тесть?

– Выпей, очухайся, – Никитос протянул Василию стакан с водой.

– Ни глотка в доме врага! – заявил Василий, сжимая челюсти.

– Не ерепенься, а то во! – И Харлам показал кулак. – Отвечай на вопросы. – И уткнулся в бумажку. – Как ты допустил, что она забеременела?

Понятно, о каких детях она говорила. Но ведь не призналась!

– А как, по-вашему, я должен был это не допустить?

– Ха-ха, – заржал Никитос, – пользоваться противозачаточными.

– Значит, ты признаешь, – зачитал Харлам, – что соблазнил бедную, тьфу, богатую, несчастную девушку, вынудил ее жениться на себе. Соблазнил и женил.

– Признаю, – согласился Степанцов, чувствуя, что дело подходит к завершению.

– В случае положительного ответа, – продолжал читать Харлам, – набить морду...

Василий решил взять свои слова обратно.

– В случае отрицательного, – продолжал Харлам, – соблазнителью отрезать... хм... неразборчиво написано.

– Дай я погляжу, чего там у него нужно отрезать, – подошел к Харламу Никитос, и они вдвоем склонились над бумагой.

Василий воспользовался моментом. Он вскочил и побежал к выходу, благо дверь оказалась не заперта. Но бритоголовые успели его поймать, когда он задирает ногу, чтобы прыгнуть через забор. Они привели его назад в гараж, закрыли дверь на ключ и раздели до трусов, чтобы он больше не предпринимал попыток к бегству.

Никитос подставил подножку пятившемуся Степанцову, тот упал, ударился головой, руками схватился за уши. В это время Никитос с ловкостью опытной мартышки стащил со Степанцова последнюю деталь туалета. Совершенно голый Степанцов сразу забыл про голову, подбежал к столику, схватил листок с вопросами и прикрыл им неприличное место. В центре листка красовалась размашистая крупная надпись шефа: «Отрезать».

– Не ерепенься, – предупредил Харлам, надвигаясь на Василия громовой тучей. – Приказано набить тебе морду.

Но Василий не собирался просто так позволить этим двум тупоголовым бандитам набить себе морду. Он, придерживая листок, разбежался, прыгнул на крышу серебристой иномарки и сиганул в раскрытое окно. Спасительный забор был в нескольких метрах, когда Василий споткнулся и упал. Бритоголовые, довольные этим обстоятельством, расставили руки в стороны и пошли на него кольцом оцепления.

– Пацаны, – обратился к ним успевший вскочить на ноги Степанцов, – считайте, вы сделали свое дело, – и он указал на шишку на голове.

– Не-а, – плотоядно прошипел Харлам, – шеф приказал не голову, а морду.

– Какая разница, ребята? – говорил Степанцов, медленно продвигаясь к кустам сирени у дома.

– Большая, – так же медленно те продвигались за ним.

– Стойте, шеф идет! – крикнул им Степанцов и побежал за дом, пока они оглядывались в поисках мнимого шефа.

Владения за домом у тестя были не такие уж и обширные. Там располагались сад, пара клумб и газон с барбекюшницей, куда и угодил бежавший напролом Степанцов. Она упала

и окутала Василия дымом, перемешанным с золой. Резко почерневший спереди, он побежал, мелькая белым чистым задом, дальше, к садовым деревьям, заметив среди них одну высоченную сосну, видимо, оставленную расти еще при строительстве дома. Перед сосной Степанцов оглянулся в надежде не увидеть бритоголовых, но они надвигались на него неотвратно, как поезд на Анну Каренину. Выбора не оставалось, и Степанцов залез на сосну.

– Ай, что творят! – Старушка-соседка покачала головой, увидев забирающегося на дерево Степанцова. – Опять у них мальчишник. Ой, да, кажись, он голый? Надо сходить к Матрене, у нее есть бинокля.

Старушка сняла очки, протерла их, снова водрузила на нос. После чего галопом понеслась к Матрене.

– Слазь, сволочь! Тебе все равно никуда не деться, – стояли под сосной бритоголовые.

– Слазь, как человека прошу! – Они уже сидели.

– Слазь, будь другом. – Через полчаса они легли.

Василий неплохо устроился на ветках-лапах сосны, если не считать того, что голые места постоянно кололи иголки. Ничего, думал он, можно представить, что это иглотерапия. Раз – иглотерапия, два – иглотерапия. Если это постоянно повторять, согласишься влегкую. К тому же мужчинам, рассуждал Степанцов, полезен массаж причинных мест. Нет, это не массаж, это иглотерапия – раз, она же два... Ворочаться было невозможно больно, иголки кололись и кололись. Да еще две старые дуры на соседнем дворе принялись вслух обсуждать, какой у него неестественно белый зад и... стыдно сказать что, а они рассуждали на всю улицу. Может, закричать и позвать на помощь? Кто, интересно, прибежит? Эти две бабки. Конечно, они с удовольствием это сделают, вон бинокль откуда-то притащили, разглядывают. Степанцов показал им нехороший жест, хлопнув одной своей рукой под локоть другой. И... потерял равновесие.

Если одетый человек падает на землю сквозь лапы сосны – это одно дело. Совсем другое, когда через сосновые иглы летит совершенно раздетый человек! От боли Степанцов заорал благим матом.

Старушки улыбнулись и хлопнули друг друга по рукам:

– Наконец-то! Гони десятку, Матрена, он так и не продержался двух часов кряду.

Но то, что Степанцов остался висеть грушей на последней ветке, от них скрывал забор.

Бритоголовые, успевшие задремать, миглом вскочили на ноги. Но свои Степанцов уже успел задрать. В неудобном положении, уцепившись за ветку ногами и руками, он висел, сам не зная, на что надеясь.

– Слазь, сволочь! – бегал вокруг сосны Харлам.

– Слазь, тебе говорят, – подпрыгивал рядом, пытаясь дотянуться до Степанцова, Никитос.

Ветка под Василием хрустнула.

– А! – злорадно закричал Харлам. – Никитос, неси пилу!

– Лучше топором, – посоветовали старушки, забравшиеся на забор, – чтоб одним махом.

– Одним махом, одним махом, – приговаривая, убежал Никитос.

Но ни пила, ни топор не потребовались. Ветка хрустнула в последний раз и обломилась. Степанцов гнилым яблоком свалился к ногам Харлама. Тот обрадовался и, решив для начала тряхнуть его за грудки, протянул руки к воротнику. Но на Степанцове не было ни воротника, ни всего остального. Харлам на мгновение растерялся. Василий этим воспользовался, вскочил на ноги и дал деру.

В это время к сосне прибежал Никитос с топором.

– Убери свидетелей! – заорал ему Харлам, указывая на висящих на заборе старушек.

Никитос поднял топор над головой и пошел на них.

– А! – заорали бабки и скрылись в зарослях малины с обратной стороны забора.

По саду шефа троика бегала недолго. Разве ж это был сад? Пять яблонь и четыре груши. Даже если, как заяц, петлять между ними, далеко не убежишь. А забор не перемахнуть. Поэтому, когда бритоголовые в полном смысле слова приперли его к стенке, Степанцов уже не сопротивлялся.

– Попался! – радовались бритоголовые.

– Только троньте! – предупредил их Степанцов.

– А нам не велено трогать, нам велено морду набить!

После этих слов Степанцов отрубился. Но не сам по себе, естественно. Что, безусловно, совсем даже не естественно. Его вырубил мощный кулак Харлама.

– Убил, убил, – визжал прыгающий рядом с лежащей жертвой Никитос, – теперь шеф убьет нас!

– Не успеет! – закричала появившаяся из ниоткуда девица. – Сначала вас убью я!

Девица достала из сумочки пистолет и направила ствол оружия на бритоголовых.

– Врассыпную! – крикнул Никитосу Харлам и отпрыгнул в перевернутую барбекюшницу.

– Не поможет, – заявила девица и вдруг заметила распластанное на траве тело Степанцова.

– Милый, любимый, дорогой! – Она кинулась к нему.

– Пистолет положи в сумочку, – ласково попросил ее Харлам.

– Молчи, предатель! – Девица снова направила дуло на него.

– Все, все. Я молчу.

– И как это тебя угораздило попасть к ним в лапы?! Как они тебя, бедненький мой, отделили! Не умирай, пожалуйста, не сироти нашего ребеночка!

Девица уселась на траву, положила голову Степанцова себе на колени и продолжила упиваться горем. Степанцов отметил про себя: ага, ребенок все же есть. Но голос девицы существенно отличался от голоса Ларисы. Тот был ласковый и нежный, даже когда она сердилась. А этот показался ему истеричным и властным. Он приоткрыл один глаз и посмотрел в склоненное над ним лицо девушки.

– Очнулся! – обрадовалась та. – Уси-пуси, мой пусик!

И поцеловала его в лоб. Как покойника, отметил про себя Степанцов. Та между тем продолжала его целовать в нос, в губы, не обращая никакого внимания на то, что лицо Василия, так же как и вся передняя часть его тела, было черным от золы. Лицо девушки из симпатичного медленно превращалось в грязное. Степанцов совершенно перестал ее узнавать.

Но и до этого он никак не мог понять, почему его лобзает чужая девушка. Хотя, если принимать во внимание то, что происходит с ним и незнакомками в последнее время, это наводит на мысль, что он, Степанцов, имеет определенный успех у слабого пола. Одна решила выйти за него замуж, другая зацеловала... Он бы еще дольше рассуждал, если бы его не прервали. Неожиданно увидев его отмытое своим языком лицо, девица закричала:

– А! Это не он!

Степанцов понял, что теперь уж точно пощады ему не будет. Он вскочил на ноги. Девица, заметив, что тот совершенно голый, заорала еще громче. Слиявшиеся было бритоголовые вернулись назад и теперь стояли как два тополя на Плющихе, прижавшись друг к другу с испугом в глазах. Слышанное ли дело – перепутать зятя шефа?! Теперь он точно их убьет!

– Сначала, – девица успокоилась и пошла тараном на парочку, – вас убью я!

Степанцов не стал дожидаться, кто первым покончит с организованной преступностью в отдельно взятом дворе, и поспешил ретироваться. Девица вошла во двор через калитку и оставила ее открытой. Василий выбежал на улицу. Мать честная! Да это ж Нудельная! А вон там дом его друзей, где сейчас отсыпается, как он думал, Лариса! Не дай бог, она узреет его в таком виде. Василий прикрыл руками свое хозяйство и побежал в сторону леса. Сделал он это неосознанно. Возможно, он решил, что в лесу можно нарвать листьев, сделать себе хоть какое-

то прикрытие и вернуться к друзьям под гостеприимный кров. Если там еще осталась Лариса, то предстать перед ней не совсем раздетым. Хотя, судя по тому, как активно она раздевалась сама... Нет, нельзя давать ей никакого повода. Никакого. Тем более для развода.

Глава 5

Лучше сразу придушить, чтоб не мучилась

Юлий Соломонович Цезарев сидел в своем кабинете среди почетных грамот и дипломов «За гуманность» на крутящемся стуле и разговаривал сам с собой. Делал он это часто, сотрудники психиатрического отделения привыкли к тому, что после таких задушевных бесед в голове главврача рождаются гениальные идеи. Но на этот раз они ошибались. Идей не было, не было даже мало-мальского плана! Поэтому доктор Цезарев спорил сам с собой.

– Ну-с, батюшка, объясните, будьте так любезны, какого черта вам понадобилось отпускать своих больных на природу?

– Голубчик, они же тоже люди. И им хочется подышать свежим воздухом и побегать по лесной опушке!

– Добегались! Десять больных исчезли в неизвестном направлении!

– Иван Иванович их найдет. Обязательно найдет. Они же, как малые дети, далеко от дома уйти не смогут.

На этот раз доктор Цезарев и его внутренний голос оказались правы. Великан Иван Иванович, завхоз, выполняющий в связи с сокращением штата еще и функции охранника и санитара, нашел всех десятерых. Они стояли во дворе диспансера и жались друг к другу.

– Примите психов! Всех до копейки! – доложил завхоз.

– Иван Иванович, как вы можете. Это не то, что вы сказали, а больные люди.

– Так я и говорю, – не сдавался завхоз, – примите душевнобольных.

– Пойдемте успокоим этих милых людей, – доктор поднялся, обнял завхоза, и они пошли во двор.

– Ну, насчет милых не знаю, – не соглашался Иван Иванович, – а вот один шизик, тот, что совершенно голый, совсем съехал с катушек. Кричит, что он не псих, и грозит судом.

– Не обращайтесь внимания, батенька, – посоветовал ему доктор, – не было еще в моей практике душевнобольного, который согласился бы, что он псих.

Во дворе больницы ему действительно кинулся в глаза прежде всего голый мужик. Он единственный сторонился остальных и требовал адвоката. Юлий Соломонович Цезарев снял свой белый халат и накинул ему на плечи.

– К чему так волноваться, батенька? – обратился он к нему в своей обычной манере. – Адвокат? Приедет обязательно, не переживайте, сейчас ему пошлют эсэмэску. Варвара Петровна, – он обратился к прибежавшей на шум старушке-веселушке в белом платке и халате, – киньте адвокату, что его ждет клиент.

Та подобострастно согласилась, но продолжала стоять.

– Больше никто никого не хочет видеть? – поинтересовался доктор.

– Я хочу! – заявил один больной. – Хочу видеть президента! У меня план по подрыву Центральной Америки!

– Отлично, Варвара Петровна скинет эсэмэску президенту. Если больше пожеланий нет, все по каютам! Сейчас отчалим!

– Отчалим, отчалим, – и больные разбежались по палатам.

Василий, а это был именно он, остался стоять. Он был в настолько заторможенном состоянии, что еле говорил. Там, на лесной опушке, когда он обрывал березу и пытался сделать себе юбку, на него напал этот мужик и вколол какую-то дрянь. После чего, практически как малое дитя, посадил его в машину и привез сюда. А теперь они издеваются над ним и собираются запереть в каких-то каютах.

– Я не... – больше говорить он не мог.

– Отнесите больного в палату, – приказал доктор завхозу.

– В какую? – поинтересовался тот.

– Варвара Петровна знает, – махнул рукой доктор.

Та кивнула головой.

Степанцова положили туда, где нашли свободное место. Особо никто им не занимался, только сделали еще какой-то укол, после чего он провалился в полное небытие.

Ночью он проснулся оттого, что кто-то теребил его за плечо.

– Вставай, давай делать подкоп, – шептал неизвестный, – завтра будет уже поздно.

Степанцов вскочил и огляделся. Двухместный номер в захудалой гостинице, вот на что была похожа эта комната. Но на окнах решетки, дверь заперта снаружи. Он в западне. Вот это уже точно реалисти-шоу! Его сосед, тощий, прихрамывающий субъект с взъерошенными жиденькими волосенками, нервно теребил его за рукав:

– Пошли делать подкоп!

– А другим способом нельзя? Может, стоит проанализировать еще какие-нибудь варианты?

Сосед поглядел на него с укоризной:

– Будет поздно, поздно будет, будет поздно.

Действительно, подумал Степанцов, парень наверняка тут времени даром не терял. Судя по тому, сколько кэжэ он скинул на здешней диете, сидит долго. Подкоп так подкоп, а там разберемся. Он подошел вслед за парнем к двери, с удивлением посмотрел, как ловко тот орудует булавкой в замочной скважине. Дверь действительно открылась. Они на цыпочках прошли мимо спящей за столом Варвары Петровны, открыли запор на массивной входной двери, вышли в темный двор, обогнули здание и прошли к какой-то куче.

– На, бери инструмент, копай, – протянул ему что-то парень.

Степанцов взял и стал копать. В этот самый миг загорелся прожектор, осветив Степанцова, завывла сирена. Прибежали люди в белых халатах...

– Ну, и что вы, голубчик, пытаетесь мне доказать? – ласково говорил с ним утром доктор Цезарев, – что вы случайно оказались с Терминатором в песочнице, где суповой ложкой копали ямки?

– Мы делали подкоп, – угрюмо сообщил Степанцов.

– А-а, – многозначительно покачал головой Юлий Соломонович, – все ясно. Подкоп. У вас мания преследования.

– Я сбежал от бандитов! – разозлившись на то, что ему не верят, заявил Степанцов.

– Конечно, конечно, только не волнуйтесь. Сбежал так сбежал. Больше не попадайтесь на удочку Терминатора. Он, конечно, сообразительнее вас, и, если еще раз предложит делать подкоп, скажите мне. Я помогу.

– Не разговаривайте со мной, как с психом, – возмутился Степанцов, – и объясните причину моего задержания!

– Главное, дружок, не волноваться. Ну, посудите сами, если вы считаете себя нормальным, здравомыслящим человеком... Представьте, что я разделся донага, пошел в лес, залез на сосну...

– В лесу была береза, – перебил врача Степанцов, – сосна была у бандитов.

– А, ну да. Залез на березу и стал ломать ветки, засовывая их себе за пояс из крапивы! А потом, ночью, когда все нормальные люди отдыхают, пошел с душевнобольным Терминатором играть в песочницу! Как, по-вашему, считали бы вы меня нормальным человеком?

– Мы делали подкоп, – уперся Степанцов.

Юлий Соломонович Цезарев развел руками.

«Вот влип, – думал Степанцов, – они перепутали меня с каким-то психом. Видно, у них не достача шизиков, и они решили покрыть издержки мной. Надо как-то выкручиваться». Он

зашел в столовую, где больных собирали на завтрак. Терминатор, сидевший за дальним столом, сразу заметил Степанцова. Многозначительно глядя на него, он достал свою ложку из жидкой манной каши, облизал ее и спрятал в карман. Степанцов отвернулся. Вот шизик! И сел завтракать рядом с приличным пожилым мужчиной. Каша оказалась, несмотря на ее жидкий вид, довольно вкусной. Степанцов с удовольствием поел. Манную кашу он обожал. Его сосед, напротив, поковырявшись в тарелке, отодвинул ее и обратился к Василию:

– Не переживайте вы так, со всеми случается. Ну, попали к психам, в этом нет ничего страшного. Поживите немного, отдохните. Они, – он показал глазами на зал, – все тут тихие. Беспроблемные. И врач Цезарев вполне компетентный человек. Пройдете курс лечения, они вас держать не станут.

– А что вы здесь делаете? – удивился Степанцов.

– Скрываюсь от правосудия, – прошептал еле слышно пенсионер, – я задушил собственную жену.

– Почему? – растерялся от такой откровенности Василий.

– Она требовала развода и раздела имущества.

– А, – моя пока раздела имущества не требует. – Степанцов мысленно представил, как он душит Ларису.

– Вот именно, пока. – И пенсионер посоветовал: – Лучше сразу придушить, чтоб не мучилась. Для начала возьмите справку о том, что вы больной. И развода ей не видать.

Маньяк, подумал Степанцов. Хорошо, что тихий. Хотя советы дает дельные. У Василия сразу созрел план. Он достал свою ложку из тарелки, облизал и показал ее Терминатору. Тот кивнул головой.

– Все по отсекам! Сейчас взлетим!

Следующей ночью снова светил прожектор, выла сирена, а они с Терминатором, вооружившись столовыми ложками, сидели в песочнице.

– Ну-с, голубчик, – говорил ему утром Юлий Соломонович, – продолжаете без меня? А я вас просил, так просил. Ай-яя-яй. Как нехорошо поступаете.

– Не разговаривайте со мной как с психом!

– Не волнуйтесь, главное – не волнуйтесь. Если вы не псих, то почему...

– Значит, по-вашему, я ненормальный?!

Доктор развел руками.

– Тогда дайте мне об этом справку, – заявил Степанцов. – Дайте справку!

Цезарев задумался, сел за стол и что-то написал на бланке. Достал печать, тиснул и протянул листок Степанцову.

– Главное – не волнуйтесь. Если еще что понадобится, заходите, не стесняйтесь.

– Странное дело, – сказал доктор Цезарев другому доктору Цезареву, – я нахожусь в замешательстве. Это уже не мания преследования. Это мания... бюрократизма.

– Да уж, батенька, только что вы совершили открытие! Такой мании еще никто не описывал. Нужно подержать этого больного пару месяцев под наблюдением.

Степанцов не знал, что его собираются изучать как мышь. Он, нежно глядя карман со справкой, ходил по корпусу, прикидывая, каким образом можно сигануть через высокий забор с проходящим по нему электрическим током. За ним по пятам ходил Терминатор и рисовал планы побега. Художник из него был никакой. Но что-то ценное в этих планах было. Тот на каждой картинке рисовал огромный черный автомобиль.

Степанцов решил проследить, что это за машина. Она приехала на следующий день ближе к обеду. Из нее вышла престарелая блондинка с каменным выражением лица и запахом дорогих духов.

– Добрый день, Венера Сергеевна, – защелкала вокруг нее Варвара Петровна, – как добрались?

Блондинка только глянула на нее с сожалением и на высоченных каблуках проковыляла в здание. Степанцов незаметно прокрался следом. Блондинка зашла в кабинет к главврачу и с порога сказала тому: «Здравствуй, пусик!» Она была его женой или любовницей? Какая разница! Именно она связывала его с вольной жизнью. То есть Юлия Соломоновича, а не его, Степанцова. Хотя это как повернуть! И Василий решился.

Он подтянул до груди широкие пижамные штаны, сложил руки за спиной, сделал придурковатую мину на лице и, насвистывая траурный марш, направился к столу, где восседала Варвара Петровна.

– Что тебе надо, милоч? – поинтересовалась та. – Эсэмэску кому послать?

Василий наклонился к ней через стол и доверительно сообщил:

– Хмырь повесился!

И пошел дальше, продолжая насвистывать соответствующий марш. Старушка-веселушка взмахнула руками и заорала на весь корпус:

– Полундра! Хмырь снова повесился!

– Вот псих ненормальный! – прибежал на ее зов караулящий дверь завхоз. – Сколько можно?!

И они вдвоем скрылись в одной из палат. Степанцов подбежал к двери. Открыть задвижку было плевым делом. Потайной крючок, который держал всю эту конструкцию, ему показал Терминатор, когда они ходили копать песочницу.

Долгожданная свобода встретила его черным джипом блондинки. Если машина закрыта – пиши пропало. Он подбежал к багажнику, но тот вызвал у него неприятные воспоминания. Степанцов резко развернулся, залез внутрь автомобиля, на заднее сиденье, и затих. В салоне было темно, тонированные стекла скрывали все, что только могли. Оставалось лишь догадываться, каким образом блондинка видит дорогу.

Та тем временем вышла вместе с доктором.

– Такой экземпляр, дорогая, такой экземпляр! Сегодня он потребовал справку, завтра, по моим расчетам, должен написать исковое заявление в суд! Не обижайся, я приеду через пару дней.

Блондинка хмыкнула, чмокнула мужа в щеку и уселась за руль. Взревел мотор, Степанцов лежал не дыша. Машина, которая, по идее, должна была плавно тронуться с места, сорвалась с него с ревом, как вода в унитазе, и понеслась к воротам. Степанцов мысленно попросил высшие силы проконтролировать блондинку, чтобы та попала в раскрытые ворота. Благополучно выехав на трассу, Венера Сергеевна включила свой любимый марш, записанный на диске без остановки, и полезла на заднее сиденье. Степанцов, который к этому времени уже там сидел, с ужасом заметил рядом с собой ее блестящую кожаную сумку. Блондинке, видимо, понадобилось что-то очень важное из этой самой сумки, раз она наплевала на безопасность дорожного движения.

Степанцов не растерялся и подал ей сумку. Та, одной рукой выделявая на дороге замысловатые па, полезла в ее карман и выудила оттуда... помаду! После чего Венера Сергеевна повернула переднее зеркало на себя и стала красить губы. Степанцов мысленно попрощался с жизнью, с родственниками, с Ларисой. Он представил ее в образе вдовы и пожалел, что не успел составить завещание, по которому ей доставалась бы самая ценная его вещь – альбом с марками, собирать которые он начал еще в детстве.

Но дорожно-транспортного происшествия, как это ни невероятно, не произошло. Блондинка покрасила губы, положила помаду на место и принялась напевать. В этот самый момент у нее в сумке затрезвонил мобильный телефон.

– Пусик, ты только не волнуйся. – Голос у доктора Цезарева дрожал. – Вполне вероятно, но, может, дорогая, я и ошибаюсь, у тебя кто-то есть!

– Сколько раз можно повторять, что с Купцовым у меня был ничего не значащий роман! С Сушковым я покончила сразу, не успев начать. А Кузнецов клюнул на нимфетку! Милый, у тебя это переходит в манию!

– Пусик, только не волнуйся! У тебя в машине кто-то есть.

– Ха! – засмеялась Венера Сергеевна и обернулась. Сзади сидел Степанцов.

– Это тихий маньяк, – продолжал ей говорить доктор Цезарев по телефону, – по истории болезни у него мания преследования блондинок с целью их последующего удушения. Но не волнуйся, дорогая, он пока еще никого не удушил.

– Вот до чего тебя довел либерализм в отношении с психами! Твоя жена станет первой жертвой!

Венера Сергеевна откинула телефон на сумку.

– Кто вы? – поинтересовалась она, не выпуская руль и продолжая мчаться на высокой скорости, на которой, Степанцов это знал наверняка, летят искры из-под колес.

– Человек, – ответил он просто, – попавший в беду. Но не псих, как думает ваш муж.

– Еще ни один псих не признал, что он псих, – глубокомысленно заявила жена психиатра.

– Если вы довезете меня до города, я сразу исчезну из вашей жизни, – пообещал ей Степанцов.

– Я думаю, душить вы меня не собираетесь. Но знайте, вряд ли мы доедем до города. Цезарев наверняка поднял на ноги всю округу. Впрочем, на психа вы действительно не похожи. Я-то знаю точно, сама живу с одним из них.

Степанцов обрадовался, что блондинка не собирается орать и звать на помощь. Кстати, этой самой помощи она тоже не собирается предлагать, что уже обидно. До долгожданного освобождения было рукой подать.

– Скоро пост ГАИ, – сказала Венера Сергеевна.

Степанцова там схватят. Он предстанет перед представителями органов в полосатой пижаме с оттопыренными коленками и рванными карманами и станет рассказывать о том, как его совершенно голого сняли с березы и он в песочнице делал подкоп. А перед этим сидел у бандитов на сосне. А еще неделю назад он женился на неизвестной девушке... Нет, доктор Цезарев прав. В жизни нормальных людей такие события не происходят. Но Василий-то знает, что он не псих. Кто же тогда виноват во всех его злоключениях? С чего все это началось? Конечно же, с нее, с Ларисы! Это она причина всех его бед. Первый раз Степанцов ощутил жгучее желание придушить женщину. Но не ту, что сидела за рулем. Она-то тут вообще ни при чем. Каково ей сейчас? Муж сообщил, что у нее в машине псих. Какая выдержка у дамы.

– Бросьте меня на посту, – смирился Степанцов, – черт со мной. Что будет, то будет.

– Раздевайтесь! – скомандовала неожиданно Венера Сергеевна.

– Зачем? – опешил Степанцов.

– Проезжаем пост! Быстро!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.